

АЙЛИН ЛИН

ARUNA

Айлин Лин

Аруна

«Издательские решения»

Лин А.

Аруна / А. Лин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-597145-6

Повезло так повезло... я самая настоящая попаданка в тело юной орчанки с зелёной кожей и клыками, торчащими изо рта. И живу я теперь в стойбище орков на задворках мира, моё ремесло — плетение корзин и сбор странных плодов в запретном лесу. А ещё мы с моей новой мамой вынуждены терпеть насмешки соплеменников, их тычки и издевательства... Но терпилой была прежняя хозяйка тела. Я же подобного никому не спущу! Встречайте новую Аруну! Первая самостоятельная книга о приключениях Аруны.

ISBN 978-5-00-597145-6

© Лин А.

© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	16
Глава 5	19
Глава 6	22
Глава 7	26
Глава 8	29
Глава 9	32
Глава 10	35
Глава 11	39
Глава 12	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Аруна

Айлин Лин

Иллюстратор Вероника Андреевна Калачёва

© Айлин Лин, 2023

© Вероника Андреевна Калачёва, иллюстрации, 2023

ISBN 978-5-0059-7145-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Странный шум и смех ворвались в затуманенное болью сознание. Не сразу, но я почувствовала странное давление и ощутила, как моя голова погрузилась во что-то холодное мягкое и... вонючее... Я открыла рот, чтобы закричать, но лишь подавилась липкой жижей. Чья-то внушительная лапа продолжала удерживать меня в унижительном положении... Размер ступни этого гада был с мою черепушку.

Несколько мгновений я безуспешно пыталась освободиться: тело было словно не моим – вялым и немощным.

– Ха-ха-ха! – раздался издевательский хохот с десятков лужёных глоток.

Скрипнув зубами, собрала всю волю в кулак и снова дёрнулась было, но получилось откровенно плохо.

– Вонючка, – фыркнули сверху, – лежи. Встанешь, пеняй на себя.

Даже если бы захотела подняться – не смогла бы, мелькнула паническая мысль, а тело, сберегая остатки сил, расслабилось. Хорошо, пусть так, полежу тут, подумаю.

Думать долго не пришлось. Сознание поплыло и покинуло меня, даря благословенную передышку.

Следующее пробуждение было более сносным. Рядом кто-то тихо напевал неизвестную мне мелодию. Разлепив свинцовые веки, попыталась сфокусировать взгляд на окружающей обстановке. И когда мне это наконец удалось, первое, что я рассмотрела – это дыру в потолке. Чудесное голубое небо виднелось в прорехе сквозь курящийся ввысь дым от очага. Перевела взгляд на непонятной конструкции жаровню, а потом и на внушительного размера женщину в мешковатом платье до пят. Она стояла ко мне спиной и срывала пучки трав, свисавшие с потолка в невообразимом количестве.

Я устало прикрыла веки, стараясь обдумать всё увиденное. Чуть накатившая паника тут же участила сердцебиение. Так не пойдёт, нужно успокоиться. Итак, это точно не больница. Я лежу на невысокой кушетке во вместительных размерах вигваме. Окей. Дальше. Женщина явно не врач, скорее богатырски сложенная знахарка или, как их там, а вот! – травница! С этим определились, жаль, что в палатке настолько сумрачно, деталей не видно.

– Очнулась? – раздалось совсем близко, и так неожиданно, что я вздрогнула и распахнула глаза, – Аруна, тебе ведь мать запретила ходить одной, сколько можно? Латать твои раны и тащить тебя из того света у меня всё меньше желания, – проворчав это, чудовище отодвинулось от моего лица и направилось к жарко горящему очагу в центре шалаша.

Я успела разглядеть достаточно, чтобы мне поплохело. Первым желанием было заорать и дать дёру, вот только язык мне отказал, впрочем, как и непослушное тело.

Надо мной пару секунд назад нависал самый настоящий монстр, с торчащими вверх нижними мощными клыками, один из которых был обломан. Глаза чуть желтоватые и мерцающие в тени, в носу кольцо из блеснувшего белым металла. Кожа обвислая, со множеством шрамов и сеткой морщин. Волосы заплетены в тяжёлую тугую косу, неопределённого цвета.

Скорее всего я всё же умерла там, на Земле и мою душу переместили сюда непонятно-куда. От свалившегося осознания, чуть не стошнило. Странная реакция. Мозг, не выдержав перегрузки, отключился...

– Дочка, – говорил кто-то и почему-то тряс за плечо меня. – Как ты?

Еле разлепив веки, уставилась на сидящую рядом женщину, с торчащими вверх белыми клыками.

Воспоминания вернулись тут же, стоило моему взгляду на них остановиться.

– Кто вы? – хрипло спросила я, пытаясь чуть отодвинуться от странной незнакомки.

– О Великий Хеймдалль! – воскликнула женщина больше похожая всё же на человека, а не на чудище, – как ты мог вернуть мне тело дочери и забрать её воспоминания?

Я прислушалась и отметила, что говорит она не на родном и могучем, а на норвежском, хотя могу и ошибаться. Но не это самое главное. Примечательно, что я её прекрасно понимала, впрочем, мой ответ был на том же языке. Получается, что при переносе мне оставили это важное и столь необходимое для выживания в новой среде знание. Хотя на том спасибо.

– Чего несёшь? – тут же зашипели откуда-то сбоку, я даже смогла повернуть голову и посмотреть на говорившего, точнее говорившую, – гневить богов вздумала? Радуйся, Райла, что жива осталась дочь твоя. Вам стоило давно уйти из стойбища, говорила же – не место вам здесь.

– И куда пойти, Вита? – тут же вскинулась Райла, – в Великий лес? Уйти к людям или эльфам? Везде нас ждёт смерть!

Лекарка поджала губищи и неодобрительно цокнула языком, после чего перевела взгляд своих странных глаз на меня и приказала:

– Аруна, ну-ка, попробуй встать и пройтись.

Не стала ждать второго приглашения. Кряхтя, медленно села, а потом, свесив ноги с деревянного лежака, спустилась на земляной прохладный пол. Хотела было сделать шаг вперёд, но меня повело куда-то в сторону, тут же крепкие руки подхватили, помогая выровняться. Помогающей оказалась женщина, назвавшая меня дочерью. Несмотря на некоторую худобу, силы ей было явно не занимать.

– Давай вместе, – предложила она и мы вдвоём доковыляли до противоположной стены шалаша, потом вернулись к лежаку, куда с преогромным удовольствием я снова уселась. На лбу выступили капельки пота, и я в полной мере ощутила насколько ослабло моё нынешнее тело.

Кстати, о нём. Опустила глаза вниз, пытаюсь рассмотреть, что же мне досталось. Печалька.

Руки-веточки, ноги-палки, ощупала голову и лицо. Длинные, давно не чёсанные, лохмы, острые небольшие клыки, торчащие из нижней челюсти, нос с горбинкой. Брови на месте, довольно густые. Бросила взгляд на молчаливо взирающих на меня женщин.

– Я ничего не помню, – ответила на их недоумение. – Расскажите.

Лекарка высоко вскинула брови, и я тут же добавила:

– Прошу вас, расскажите мне всё.

Из того, что травница поведала дальше, я поняла: пути назад нет. Я самая настоящая попаданка в другой мир. Тот удар об угол был фатальным. Кто же знал, что увлечение паркурком приведёт меня к столь печальному концу?

– Мы живём у границы с Великим лесом, – заговорила Вита, тяжело сев на неказистый стул с обломанной спинкой. Тот жалобно скрипнул, но выдержал немалый вес орчанки. Её желтоватые глаза приглушённо мерцали в полутьме шалаша. – Ты дочь Рола и Райлы. Отец твой сгинул в Лесу, Райла осталась с тобой на руках. Ты тогда ещё младенцем была. Совсем крошечная такая. Слабенькая, хиленькая, я тогда думала не вытяну тебя, помрёшь. Ан нет, не права оказалась, ты выжила. Но всё равно оставалась самой слабой в нашем племени. А орки не любят хилаков, оттого будь готова к издёвкам и тычкам. Тут уж я не могу постоянно тебя прикрывать, впрочем, как и твоя мать, она ведь большую часть дня работает в поле али в лесу собирает кариллу. Поэтому повторяю: сиди в доме и плети корзины, – травница помолчала немного, и заговорила вновь: – К людям и эльфам выходим редко, в основном торгуем с соседними племенами орков. Последствия войны и наш проигрыш аукается народу орков даже сотню лет спустя, – печально добавила она, и перевела взгляд на Райлу. – Забирай её, корми получше. Я скажу Вассаху, чтобы сегодня занёс тебе целую тушку птицы.

– Спасибо, Вита, – мне показалось, или моя «мать» снова всхлипнула? – как мне отблагодарить тебя? Ты единственная, кто хорошо относится к моей дочери.

– Я всё ещё уверена, будет с неё толк, будет, – проворчала та, поднимаясь со стула. – Вот это вечером завари, – сорвав пару веточек какой-то сухой травы, протянула Райле, – и пусть выпьет всю чашу до дна и спать ложится. Утром синяк посветлеет и головные боли будут меньше беспокоить.

Поблагодарив травницу ещё раз, «мать» распахнула плотно задёрнутый полог из шкуры неизвестного мне животного и мы вышли из тёмного шалаша на слепящий солнечный свет. Я прижмурилась, смаргивая набежавшие слёзы.

– Мама, – заставила я себя проговорить, обращаясь к родительнице этого тела, – подожди немного. Всё перед глазами расплывается, – хотелось чертыхнуться, вовремя прикусила язык. Голова продолжала настойчиво кружиться, и я всё ещё чувствовала стук в висках.

– Да, доченька, постоим, переждём, – захопотала вокруг меня женщина, встав рядом так, чтобы я могла на неё опереться. Прошло несколько минут, прежде чем глаза привыкли к яркому солнечному свету и в голове прояснилось. Попадись мне те гады, что издевались надо мной и сдавливали своими вонючими лапами теперь уже мне принадлежащую голову. Придёт время и я с ними обязательно поквитаюсь.

– Можем идти, – вздохнула, делая шаг вперёд.

Пока мы шли по широкой, отлично натоптанной дороге между большими, вместительными шалашами, я старалась охватить всё и сразу: все «вигвамы» были построены основательно, около некоторых суетились зеленокожие женщины-орчанки внушительных габаритов. Я и Райла на их фоне выглядели забитыми тощими болонками. Моя мать не отличалась статью, правда всё же была крупнее меня в два раза, но всё же уступала местным колоритным тётенькам.

– Мама, а сколько мне лет? – повернув к ней голову, тихо спросила я, хотя на нас никто не смотрел, словно мы невидимки.

– Шестнадцать, девочка моя.

– А почему ты снова не вышла замуж? – вырвалось само собой, я не успела прикусить свой длинный язык.

– Да кто же меня такую ущербную возьмёт? – искренне удивилась она, а я смотрела на женщину с оливковым цветом кожи, с небольшими аккуратными клыками, торчащими из нижней челюсти, красивыми большими зелёными глазами и вполне симпатичным прямым носом. Райла на мой взгляд была весьма привлекательной женщиной с широкими плечами и тонкой талией. И длинными стройными ногами, бёдра только немного подкачали – слишком тяжёлые и покатые, но в целом это совсем не портило общую картину.

– Ты красивая, – честно заявила я.

– Ох, кровинушка моя. Для тебя я красивая, но вовсе не для могучих орков! Я ведь и тебя-то с трудом выносила. Орчанки должны быть мощными, сильными, способными рожать богатырей.

– Но папа же в тебя влюбился, – ничего не понимая, заявила я.

– Это было скорее исключением, чем правилом, – очень грустно, практически шёпотом, ответила она. И снова в её глазах заблестели слёзы. «Водоразлив» продолжался. Нужно отвлечь.

– Не грусти, мама. Всё у нас наладится, заживём лучше прежнего, – погладила её по руке.

– Ох, доченька, выжить бы, – чуть отвлеклась она.

– Выживем. Мне надоело так жить, когда каждый может нас обидеть, – сдерживая злость, припечатала: – хочу стать сильной. Вот увидишь, я смогу.

– Хорошо, Аруна, – скепсиса в голосе Райлы было – хоть ложкой ешь. Точно думает, что ребёнок головой повредился и мелет всякую чушь.

Тем временем мы прошли всю улицу, достигнув самых последних шалашей, выглядевших победнее предыдущих, и гораздо меньше размерами.

– А наш дом где? – пробормотала тихо.

– Сейчас, ещё немного, – подбодрила меня Райла, обогнув правый крайний вигвам, моему взору предстало совсем уж удручающее зрелище: малюсенький шалашик, накрытый шкурами со множеством дырок и прорех, стоял в отдалении от всех других построек. – А вот и наше жилище.

– М-да, – покачала головой и виски тут же зазвенела от боли. – Просто прекрасно.

Глава 2

Шалашик, в котором жила Аруна и Райла меня совсем не впечатлил. Скорее наоборот: глядя на него хотелось разреветься – настолько убого он выглядел. Справа от него стояли симпатичные плетёные корзины разных размеров, была парочка начатых. Слева уместился маленький низкий столик с посудой и вместительным глиняным кувшином.

– Мама, – обратилась я к женщине, подошедшей к костру, что горел перед входом в наше жильё, над огнём висел выдавший виды металлический казанок, в нём что-то подозрительно булькало. Я потянула носом – пахло странно. – Что там такое варится?

– Прежде чем пойти к Вите, поставила тушиться похлёбку из кариллы, нужно много времени, чтобы корнеплод достаточно разварился. Я упростила Астарха выделить мне парочку дополнительных клубней, чтобы ты могла быстрее восстановиться.

– А что это за карилла такая?

– Ах, бедненькая, каждый раз забываю, что ты ничего не помнишь! – снова запричитала Райла, – это корнеплод такой, – грустно вздохнув, пояснила она. – Он даёт оркам силу и помогает быстрее встать на ноги. Ценится не только нами, но и другими расами. Чаще всего именно кариллой мы торгуем с заезжими купцами.

Мать, рассказывая, взяла чистую глиняную миску и плюхнула туда этой самой кариллы. Шмяк. Комок чего-то серого и склизкого ухнул в чашу и принял её форму.

– Здесь ещё есть немного мяса, чтобы уж совсем не пусто было, – мне была протянута ложка, искусно вырезанная из какого-то светло-коричневого дерева, – ешь.

– Расскажи о других расах, – попросила я, присаживаясь на вытертый, знавший лучшие времена, тёмно-коричневый плетёный коврик. Взяв в руки предложенное кушанье, осторожно зачерпнула варево и, поднеся к носу, понюхала – странный запах какой-то травы и чего-то кислого, в целом ничего такого отталкивающего не ощутила. Тем не менее, желудок противно заурчал и я, более не думая, запихнула содержимое ложки в рот.

Густая похлёбка камнем упала в пустой желудок, я даже вкуса не особо почувствовала, есть хотелось до головокружения.

– Не спеши так, Аруна, – улыбаясь, попросила Райла, – рот обожжёшь, да и котелок весь наш, делиться ни с кем не надо.

Её слова меня насторожили: мы самые нищие в стойбище ещё с кем-то делимся? О чём и спросила задумчиво жующую женщину.

– Делимся иногда с Ансаром, но он редко выходит из леса, предпочитая одиночество.

– А кто это?

– Так дядька твой. Он без ноги остался в тот день, когда твой отец сгинул в лесу, они ходили вместе. С тех пор, как оклемался, так и живёт в лесу. Один. Племени он больше не нужен. Калеки никому не нужны. А ведь знатный охотник был. И воин не из последних. Вот только сила берсерка его покинула. И он стал простым орком. И да, отвечая на твой вопрос, скажу, что кроме нас, орков, на планете живёт множество совершенно разных существ: эльфы, гномы, люди, морские жители, там уж их так много, что перечислять устану.

– А драконы есть? – мне было действительно любопытно, всё же я ещё до конца не верила, что всё это происходит со мной по-настоящему.

– Нет, – покачала головой Райла, – но они присутствуют практически в каждой сказке у всех народов мира, посему могу предполагать, что они всё же когда-то здесь были.

– А что это за сила берсерка? – продолжала я выстреливать вопросами, не забывая отправлять в рот, оказавшуюся вполне съедобной густую похлёбку, к тому же, по непонятным мне причинам, с каждой съеденной ложкой чувствовала себя всё лучше и в голове практически перестало звенеть.

– У некоторых орков, но не у всех, просыпаются силы диких зверей, – отложив в сторону свою миску, принялась пояснять Райла, – и они становятся необыкновенно сильными и быстрыми. Когда-то король орков Джерард сделал ставку именно на эту нашу способность, его стремлением было завоевать и подчинить себе людей, эльфов и гномов. Он хотел править всей землёй по эту сторону моря, – женщина встала, подошла к низкому столику и налила воды из высокого кувшина в две крупные шербатые кружки, одну из них вручила мне. – Но другие расы объединились и смогли откинуть войско орков к границам с Великим Лесом, и уже на иссушённом болоте Исихи разгромить армию короля Джерарда. С тех пор мы и живём здесь, на этой самой границе. Мы можем путешествовать по этим никому не нужным неплодородным землям, растить детей, охотиться в лесу сколько влезет. Некоторые орки даже решаются уходить и селятся среди других народностей, вот только удел орков быть простыми батраками, их ставят на самую грязную работу. Нам не дают возможности проявить себя, будь ты хоть кузнецом-золотые-руки – твой товар, скорее всего, никто не купит или предложат смехотворную сумму. Так и живём охотой да собирательством, торгуем помаленьку кариллой и мехом. В лес ходим, но недалеко, только до опушки. Дальше опасно для простых орков. А уж ночью и вовсе не стоит там находиться. Как там выживает Ангар никто не знает, но, может, он и сгинул уже, давно не появлялся в стобище, – Райла кинула полный печали взор в сторону леса и, кивнув на что-то, добавила, – вон в тех чашах после захода солнца жгут священный огонь. Он оберегает сон всех в стобище и нечисть не может проникнуть в наши мысли.

Я обернулась и, приглядевшись, заметила метрах в ста от нас торчащие края глиняных горшков. Сосуды же были буквально вмурованы в твёрдую землю. Поставив на землю свою миску, медленно встала и, чуть пошатываясь, направилась в их сторону.

– Аруна, ты куда? – всполошилась мать, но я не ответила, идя к этим странным горшкам. Они манили меня своей таинственностью, мне хотелось прикоснуться к ним...

Присев у одной из чаш, провела пальцем по её краю и задумалась.

– Мама, что значат эти знаки? – спросила я, а сама посмотрела на дно сосуда, которое потемнело от копоти, но, тем не менее, оно (дно) было вычищено на совесть.

– Это обережные знаки, здесь магия земли сплетена с магией огня, а вот тут по кромке, видишь? Это руны защитные от непогоды, огонь будет гореть и в снег, и в дождь, в любую непогоду.

– Кто установил их здесь? – я водила по начертанным в теле сосуда знакам и чувствовала лёгкое покалывание на кончиках пальцев.

– Не знаю, они тут стояли ещё до нашего прихода.

– Что за нечисть живёт в лесу? Её хоть кто-нибудь видел? – продолжала интересоваться я, и, вскинув голову, взгляделась в листву, но деревья настолько близко стояли друг к другу, что разглядеть хоть что-то с моего места не представлялось возможным.

– Конечно, – вздохнула она, – чаще всего это тёмные сгустки энергии: одни висят на одном месте и не видны в темноте леса, поджидают, как пауки свою жертву, другие могут превращаться в зверей и преследовать добычу, пока не достигнут её и не поглотят. Иногда они выходят за пределы леса, но такое бывает редко, если и случается, то огонь обережный не позволит им напасть на нас. Охотники отправляются в лес с первыми лучами солнца и возвращаются ещё до заката. Отряд женщин, собирающих дары леса, в том числе и кариллу, следуют за ними и останавливаются на приглянувшейся полянке.

– Ясно, – отряхнув руки, я медленно встала и шагнула в сторону леса.

– Да что же это такое?! – охнула возмущённо Райла, – куда ты? Тебя ноги еле держат!

– Да, мама, прости. Мне хочется изучить мир и вспомнить всё, – не моргнув глазом, соврала я.

– Понимаю, – кивнула женщина, взяв меня за руку и крепко её сжав, – но всему своё время, ты ещё недостаточно окрепла. Пойдём, тебе нужно доесть кашу.

– Хорошо, – мне не оставалось ничего, кроме как покорно быть утянутой в сторону вигвама, – пойдём. Мама, получается, магия в этом мире есть, но орки ею не владеют?

– Не владем, к сожалению, – пожала та плечами, – а владели бы, всё могло сложиться иначе и орки не стали бы отщепенцами.

– А магов среди других народностей много? – меня беспокоило то, что орки не могут магичить.

– Нет. Немного. Маги ценятся королевствами, их обучают в столичной Академии магических искусств. По окончании их берут на значимые должности.

Садиться на коврик я не стала, прошла к моему новому жилью, откинула полог и шагнула внутрь, пригнув голову, чтобы не удариться о балку над входом.

Итак, внутри вигвам был в два раза меньше, чем у той же травницы Виты. Мы могли в нём спать в обнимку друг с другом и никак иначе, места для очага просто не оставалось; на земляном полу лежала циновка и пара страшных старых шкур, вытертых настолько, что даже клопам негде скрыться.

– Тесно здесь, – послышался позади усталый голос матери. – но нам двоим хватает, только зимой приходится греть камни на костре снаружи и заносить внутрь, чтобы не околеть ночью. Приляг, тебе нужен покой. Я пойду доделаю корзины и отдам Лоске, она давно ждёт свой заказ, не хочу гневить жену Визэра.

– Эта Лоска, надеюсь, заплатит за них? – вскинув бровь, резко обернулась, чувствуя, что ответ мне не понравится.

– Нет, ты что! Супруга вождя власть имеет большую. Мы не имеем права требовать с неё плату.

– Понятно, – хмыкнула я, усаживаясь на одну из двух циновок. – Ты иди, хочу немного поспать. И, – заглянув в её необычные желтоватые глаза, добавила: – Спасибо, мама.

– Что ты, дочка! – женщина сделала вид, что поправляет полог, – за заботу не благодарят...

Райла давно ушла, а я всё лежала – сон не шёл: в голове роились противоречивые мысли, а душа волновалась от переполнявших её переживаний. Я старалась разложить по полочкам всю ту информацию, что вывалила на меня мать Аруны. Также попыталась хоть что-то вспомнить из жизни самой реципиентки, но даже короткого воспоминания не мелькнуло. Тишина.

– Что же, если это моя новая реальность, будем приспосабливаться, обживаться и улучшать условия, потому что в тех, в которых я живу сейчас, мне оставаться никак не хочется.

Глава 3

Я сидела на циновке в тени шалаша, передо мной стояла практически завершённая корзина. Я никогда не занималась ничем подобным, но принцип оказался несложным и через пару часов тихих чертыханий и такой-то матери стало вполне сносно получаться.

Весь вчерашний вечер, сразу же после скудного ужина, Райла посвятила своей дочери, то есть мне. Она заново учила меня плести корзины, кормила какими-то сухарями из тёмного теста, и много рассказывала о том мире, в котором мне теперь предстояло жить.

Не скажу, что я была в восторге от услышанного. Сейчас же, тупо глядя перед собой, пыталась рассортировать полученные сведения.

Кстати за пару дней, что я провела в новом мире, ко мне больше никто не приставал, по словам Райлы всё это благодаря Вите, без неё уже вчера бы до меня стала докапываться местная молодёжь, охочая до потасовок. Жажущая самоутвердиться за счёт слабого. Терпеть не могу таких личностей.

Правда новая мама добавила, что протекции лекарки хватит ненадолго и мне стоит просто не отходить от нашего шалаша слишком далеко.

– А можно мне пойти в лес с тобой? – спросила я тогда.

– Нет, это может быть опасно, Аруна, – резко возразила Райла.

– Не опаснее моего нахождения здесь, – фыркнула я раздражённо, – вот как только меня перестанет штормить, я отправлюсь в лес, – твёрдо добавила, глядя в глаза усталой женщины. Та лишь вздохнула, но отчего-то не стала спорить, видать понимала, что если меня побьют ещё раз, то лишь потерей памяти её дочь не отделается. Уже не отделалась, но об этом никому никогда не скажу.

Перебирая эти мысли, словно бусинки, мой взгляд без конца прикипал к видневшемуся краю чаши, что немного возвышался над землёй. Такие урны или горшки, вмурованные в почву, располагались друг от друга на расстоянии в три метра, и заключали поселение в большой правильный круг. По словам Райлы таких защитных кругов было более сотни, и в них жили орки. Кто и зачем это сделал когда-то? Она не знала ответа на этот вопрос. Интересно, как с высоты всё это выглядит? Возможно, составляет какой-то инопланетный рисунок? Моё воображение рисовало самые фантастические картины, одна невероятнее другой. Я не любитель загадок, потому что, если не вижу решения, начинаю нервничать и раздражаться, становлюсь вспыльчивой и хмурой. Поэтому гнала прочь разные предположения, стараясь не строить догадок по вопросу, о котором слишком мало вводных данных.

Ближе к закату, когда из леса возвращались могучие орки и женщины с корзинами, набитыми кариллой, корнеплодами, ягодами и грибами, я всё ждала, кто же наполнит эти чаши хворостом и подожжёт. Ждала, ждала, но, насколько мне было видно основное поселение, все занимались своими привычными делами, ужинали, смеялись, разговаривали. В общем жизнь текла привычно и никто не думал разводить бережный огонь. И только я развернулась к Райле, чтобы спросить: а, собственно, когда?.. Как что-то тихо треснуло, я удивлённо обернулась и замерла, ошеломлённая: высокие языки ярко-алого пламени взметнулись на полметра вверх и, пыхнув, втянулись назад в сосуд, тихо треща. Рядом встала мама и, посмотрев на моё потрясённое лицо, пояснила, что это такое странное происходит:

– Стоит нежители приблизиться к проходу между чашами, пламя, как живое, объединяется друг с другом, становясь сплошным кольцом, или даже стеной, если вдруг тварей будет много. Но такого не случалось на моей памяти ни разу.

Я, как заворожённая, смотрела на самое настоящее чудо, магию, волшебство? Да всё неважно, именно в этот момент поняла – мир необычный, странный и непривычный.

– Подходить к огню нельзя, обожжёшься, – предупредила Райла, возвращаясь к нашему скудному ужину.

Вздохнув, с трудом оторвала взгляд от магических сосудов, посмотрела на корзину, недовольно поджала губы: нужно закончить начатую работу.

А ещё меня раздражали клыки. Они мешали. Вот честно, как же я наверняка забавно выгляжу со стороны с чуть приоткрытой пастью. Клыки хоть и были маленькими, но всё же выступали из нижней челюсти, таким образом не давая мне плотно сомкнуть губы. Непривычно, бесит, но нужно смириться. Не вырывать же их, в самом деле.

Руки невольно коснулись выпирающих острых зубов, затем прошлись по гладкой щеке вверх – к заострённым, прижатым к черепушке, ушам. Где-то в предках у Райлы или Рола отметились эльфы, иного объяснения у меня не было, все остальные соплеменники щеголяли круглыми лопухами, чаще с внушительными серьгами в хрящах и на мочках.

Качнув головой, со свитыми в тугие косы волосами, подтянула корзину к себе и принялась её доделывать. Тем временем думала о том, что запахи жарящегося мяса от стоящих чуть поодаль вигвамов мне противны, нам с Райлой выделялись какие-то кусочки с охоты, но они были столь редки и малы, что я всё никак не могла наесться. Вечное чувство голода не прибавляло настроения. Это понятно, у всех были кормильцы – могучие орки, у нас с мамой никого не было, бедной женщине приходилось рассчитывать только на свои силы.

Завершила с ручкой для корзины, закрепив гибкие ивовые прутья в своеобразный узел, отрезала ножом точащие излишки и отложила свою первую поделку в этом мире в сторону, оценивающе на неё посмотрела, а потом перевела взор на свои «новые» руки. Они точно были сильнее моих тех, человеческих. Жилистые, крепкие, с узкой но крепкой ладонью. Да, в сравнении с соплеменницами – я уступала им в стати, даже матери уступала, а вот человеческое женское тело, превосходила.

Повела плечами, сбрасывая некое напряжение и подумала, что не смирюсь с тем фактом, что нам с матерью, словно дворовым собачкам, барин кидает жалкие куски мяса со своего стола. Пора заняться добычей пропитания.

Огляделась, и довольно хмыкнула: наше жилище отстояло в стороне, словно спрятанное за последним вигвамом, до которого тоже было около двух десятков метров. Мы были отшельниками, отщепенцами. Рассмотреть, что я тут делаю можно, но для этого нужно сюда идти. То есть я при желании могла свалить в лес и никто бы не узнал об этом. Да и наверняка я никому и не была интересна.

Приняв решение, встала, взяла два приготовленных мной же острых «дротика», над которыми я возилась всё утро, заставив Райлу принести мне перья какой-нибудь птицы, она выполнила эту странную просьбу молча, а, передавая затребованное, всё же полюбопытствовала:

– Аруна, а зачем тебе они?

– Хочу кое-что сделать, мама, – увильнула я от ответа, – попробую сделать, если получится, расскажу подробнее. А ежели ничего не выйдет... – и пожала плечами, не став вдаваться в рассуждения.

Женщина посмотрела на меня своими странными, но красивыми глазами, пожелала мне хорошего дня и, подхватив большую даже на вид тяжёлую корзину, отправилась на место сбора «карильщиц», как я про себя их окрестила и охотников.

Сегодня мой шаг и движения были более скоординированы, общее состояние организма я оценила, как вполне сносное. Посему, оглядев ещё раз чуть кривую корзину, развернулась и шагнула в сторону темнеющего леса, сжимая в руках дротики. Прошла между двух магических чаш, пересекла, покрытый короткой травой участок, отделяющий линию бережных сосудов от первых деревьев, вздохнула, набираясь смелости и, пригнувшись, поднырнула под низко свисающую ветку.

Здесь точно никто не ходил, точнее не часто. Райла предпочитала идти на общее место сбора и шагать по проторенному пути, он находился в другой части поселения. Там, где шла сейчас я следов на земле видно не было. Трава росла высоко, щекоча обнажённые голени. Моя уродская туника прикрывала ноги лишь чуть ниже середины бедра, а местные сандалии из грубо выделанной кожи всё же защищали ступни от мелких камушков и острых веток, торчавших в самых неожиданных местах, пару раз чиркнув меня по оливковой коже. Думать о том, что и цветом новой шкурки я теперь не шибко отличаюсь от болотной лягушки, мне не хотелось. Других проблем хватало, кроме не самой приятной внешности.

Я не лесной житель. Но элементарные правила всё же помнила: не шуметь, идти не спеша, быть начеку. Вот только тело было бы более послушным, а то мышцы чуть сводило, и нет-нет ныл затылок, где всё ещё до конца не зажила длинная ссадина.

Лес обхватил меня своими запахами, звуками практически мгновенно, стоило в него углубиться. Неприятные мысли и ощущения в теле отошли на второй план: я с широко открытыми глазами смотрела на открывшуюся моему взору мрачную прелесть окружающего пространства.

Каким бы густым лес ни был, как бы много деревьев ни росло, как бы близко они ни стояли друг к другу я впечатлилась тем, насколько солнечные лучи были настойчивы, прорываясь сквозь листья и ветви, рассекая пространство на множество областей, деля дремучую чащу на сектора самых разнообразных форм и оттенков зелёного, коричневого и золотистого. Неба почти не видно за кронами, но солнце – яркое, жаркое, летнее грело и я чувствовала его тепло.

Шла и смотрела, словно зачарованная, вот давным-давно упавшее дерево, его ствол у самой земли в глубокой тени покрыт густым мхом, цвет изумруда такой насыщенный, глаз оторвать невозможно. А воздух? С момента попадания в этот мир я только сейчас обратила внимание на его насыщенность и чистоту. Какой же это кайф дышать полной грудью, без смога и иных запахов цивилизации. Через некоторое время услышала журчание воды и пошла на его звук. Обогнув тонкие стволы неизвестных мне высоких кустов, замерла на краю небольшой неправильной формы поляны.

Чёткая полоса: густой лес и поляна, словно я нахожусь на границе между светом и тенью. Мне захотелось шагнуть за неё, но что-то остановило. Неясное движение в высокой траве справа. Тёмно-коричневый окрас пернатого. Его размеры впечатляли. Птица курлыкала, ей отвечали. Их здесь было много. Это хорошо, мысленно потёрла я ладони.

Облизнувшись, осторожно присела, мне нужно было сосредоточиться, унять дрожь в теле и чуть усмирить прилив адреналина в крови.

Взяв себя в руки, приняла удобную позу для броска, дождалась удачного момента, когда, то ли глухарь, то ли ещё кто, выйдет на свободное от растительности пространство, резко замахнулась, пуская самодельный дротик с острым концом вперёд... первый... второй! Оба точно в яблочко!

– Птии! Круу!

Раздался жалобный крик моей добычи и увесистая тушка мягко упала на траву.

Глава 4

– Так-так-таак! – раздалось позади, а я, едва сумев сдержать удивлённый возглас, резко обернулась.

Позади меня стояло трое здоровяков. Эти парни были ещё молоды, если судить по их гладким лицам и облику в целом.

– Кто позволил тебе охотиться на крулов? Их не трогают до самых холодов. И ты не можешь не знать об этом, – молодой орк растянул губы в широкой ухмылке, продемонстрировав мне широкую щель между зубов.

А я, склонив голову к плечу, внимательно прислушивалась к его голосу. Это был тот самый гад, что плющил голову Аруны, то есть уже мою, в вонючую жижу. В груди тут же вспыхнул цветок ненависти, но я, сжав кулаки крепче, как можно беспечнее пожала плечами:

– Таблички, запрещающей мне охотиться в этом месте нет, – пацан явно не ожидал от меня ответа, потому что его улыбка несколько померкла.

– Тебе, что, правда, память отшибло? Ха! – радости его не было границ, я тут же поняла, что именно с его подачи довели девчонку, хотя тут скорее всего само общество так относится к слабым и беззащитным. А он продукт воспитанный в этой самой среде. Мои губы сами собой сжались в тонкую линию, а глаза сощурились, парень недолго куражился, вспомнив о том, что ему нужно напугать меня посильнее. – Но, тем не менее, ты смеешь сомневаться в моих словах? – прорычал он мгновенно сменив веселье на недовольство, – тётка Вита сказала не трогать тебя, но здесь её нет, поэтому мы сейчас развлечёмся без свидетелей, и ты никому об этом не расскажешь. Не посмеешь. Поняла?

– Конечно, я всё поняла, – кивнула я и спокойно провернула нож в кисти. Заметив оружие в моих руках, парни быстро переглянулись.

– Удар по твоей голове видать окончательно лишил тебя последних мозгов, вонючка! – утробно рыкнул заводила, двое его друганов оскалились, таким образом поддерживая своего главаря. – Что ты мне сделаешь своей зубочисткой? А? – хохотнул он.

Какой эмоционально неуравновешенный тип, однако.

Я выросла в семье, где до меня никогда никому не было дело. А потом и вовсе была отправлена в детский дом, где выживать пришлось каждую секунду. За каждый кусочек хлеба стоять насмерть. Что мне эти избалованные увальни?

Молча шагнула ему навстречу, орк не ожидал ничего подобного, он думал, наверное, что я дам дёру. А вот и нет.

Потрясённое удивление, мелькнувшее на его широкой харе, бальзамом пролилось на мою кипящую негодованием душу. Я сделала скупой замах и, чуть пригнувшись, проскользнула под его правую руку, оставив короткую поверхностную рану на мощном бицепсе ненавистного хулигана.

Ох и как же он взвыл! Мм! Но насладиться маленькой победой мне не дали его прихвостни. Увидев, что его босса обижают, кинулись на меня одновременно, и без лишнего шума. Уважительно хмыкнув, схватила за шиворот не успевшего развернуться ко мне лицом главаря этой шайки, и, поднатужившись, толкнула его навстречу друзьям.

Бах!

– Оо! – схватился один из них за переносицу, из носа брызнула алая кровь, парень стал зеленее обычного.

– Ааа! – и парочка крепких выражений – второй из них ударился спиной об ствол дерева и медленно съехал на землю.

Босс отлетел также в сторону и распластался неподалёку от меня.

Пожав плечами, подхватила птичью тушку и, тихо насвистывая, отправилась прочь с места событий. Вслед мне неслись витиеватые маты и угрозы. По всему выходило, недолго мне осталось. Тихо хмыкнув, ускорила, спеша выйти из леса и оказаться около родного шалаша. Меня изрядно штормило, ноги подгибались, в ушах шумело. Но я держалась. Всё же новое тело не успело до конца оправиться, а тут такие резкие движения пришлось совершать. М-да, дела. Надо как-то заняться укреплением тела Аруны. Моего тела. И когда же я перестану ассоциировать его отдельно от разума? Нужно привыкать, иначе потом могут быть проблемы типа раздвоения личности или ещё что-нибудь психологическое.

А мне такого и даром не натъ.

Стараясь отвлечься от боли в ребрах и гудящей голове, думала, что буду делать с только что убиённой птичкой? Нужно вроде как окатить тушку кипятком, потом выдрать перья, а ещё голову срубить надо. Откуда я это знаю? Тряхнула головой, но уверенность в том, что так правильно никуда не делась.

А от мысли, что всё это нужно будет проделать именно мне, поморщилась, уж чем-чем, а подобным заниматься не приходилось, как-то жизнь в большом городе не предполагает всего того, что мне предстоит сделать сейчас.

Но выбирать не приходилось, не ждать же, в самом деле, возвращения Райлы. Посему сама всё смогу.

Добравшись до своего уродливого жилища, огляделась и спрятала добычу за вигвам, после накрыла одной из корзин, подошедшей по размеру. Сама, взяв в руки котелок, отправилась к реке, бежавшей в другой части поселения. Далеко идти. Путь мой пролегал по дороге, разделявшей вигвамы на два ровных ряда: я выбрала именно это направление, потому что мне нужно было быть на виду. Мне хотелось, чтобы меня видели. Всё же та троица могла и нагнать, и дать сдачи. А я пока не в том состоянии, чтобы им противостоять. И ещё была уверенность, они не побегут жаловаться, это ведь настоящий стыд и позор – их одолела самая хилая девочка в племени. Да они скорее себе язык прокусят, чем признаются в чём-то подобном.

Шла и думала о том, какой крутой поворот сделала моя жизнь. Но эти перемены были больше внешними, по сути же всё осталось практически таким же: борьба за выживание, с целью улучшения условий для комфортной жизни. Так же было и там, на Земле.

Выйдя за пределы поселения, прошла между бережными горшками и направилась в сторону блестящей реки. Неширокая, довольно узкая, но глубокая, она помогала всем оркам выжить. Без воды поблизости быт селений зеленокожего народа усложнился бы в несколько раз. Пройдя по пологому склону к каменистому берегу, склонилась и набрала полный котелок. Опустив его на землю, нагнулась и взглядела в собственное отражение.

В целом не так уж и ужасно. Жить можно. Глядя на своё новое лицо в ровной поверхности воды в котелке, провела пальцами по густым, но ровным бровям, скруглённому носу, и пухлым, чуть приоткрытым губам. Коснулась маленьких клыков. Уделила внимание жёстким каштанового цвета волосам, собранным в непонятный пучок, который распутывать пришлось бы несколько дней. Нужно помыться, вздохнула я, поднимаясь с колен и спеша убраться восвояси, пока кто-нибудь не пришёл – не хотелось ни с кем встречаться, а уж разговаривать тем более.

Подхватив за ручку казанок, пошла по склону вверх. Люди, точнее нелюди, в основном женщины были заняты на хозяйстве: кто-то скоблил шкуры, кто-то помешивал варево в котлах, висевших над костром, кто-то, сидя в тени вместительных вигвамов, штопал одежду. Были и те, что, праздно устроившись на широких табуретках, глядели по сторонам или переговаривались между собой.

Детей было не очень много, они либо помогали матерям, либо, если совсем малыши, играли неподалёку от бдительных родительниц. На меня мало кто обращал внимания – словно Аруна не была частью их общества.

И мне вот было интересно, а что те трое здоровенных лба делали в лесу неподалёку от той поляны с упитанными птичками? Как их там, крупы, вроде. Меня грызло подозрение, что они следили за мной с самого начала.

И всё же, почему парни не на охоте со своими отцами? Может отлынивают? Надо спросить у Райлы.

На подходах к хижине, огляделась, нет ли хулиганов. Было тихо, только голоса соплеменниц долетали до меня.

Обогнув крайний соседский шалаш, не спеша подошла к своему вигваму, ожидала увидеть, что угодно, даже перевёрнутую корзину и отсутствие птичьей тушки, но не сидевшего перед входом здоровенного орка.

– Аруна, – не оборачиваясь, обратился он ко мне, – лучше тебе не светить свою добычу и ощипать её в тени леса.

Моё любопытство победило всяческую осторожность и я, подойдя ближе, повесила над уже разожжённым костром казанок и только потом оглянулась на незнакомца.

Первое, что бросилось в глаза, это его рост. Гость был невероятно высоким, точно выше двух метров и плечи такие широкие, что мне рук не хватит обхватить. Его можно было бы сравнить с теми могучими орками-охотниками племени, но он уступал им в весе, слишком худой, до болезненности. Лицо усталое, с сеточкой морщин, печально сжатые в тонкую линию губы и обломанные клыки также не придавали очарования мужчине. Одежда изношенная в хлам, настолько ветхая, что, казалось, ветер подует, сорвёт напрочь, обнажив кости, обтянутые кожей.

Примечательным во внешности мужчины была также и левая нога. А точнее её отсутствие ниже колена. Рядом с ним лежали допотопные, грубо выстроганные костыли.

– Дядька Ансгар, – догадалась я, глядя на него широко раскрытыми глазами. Сколько же ему лет? Наверяд ли больше сорока, мысленно прикинула, стараясь сильно на него не пялиться.

– Он самый, – хмыкнул мужчина, – так как у тебя дела, Аруна? Давай, рассказывай. Но сначала накорми меня, а то живот уже прилип к позвоночнику и скоро его съест, – устало улыбнулся он, глядя на меня тёмными пронизательными глазами.

Глава 5

Мужчина заметил мой полный любопытства взгляд на него самого, костыли, и на мешок за его спиной.

– Чего глядишь так, словно не знаешь, что палки-опорки нужны мне, чтобы ходить по поселению. В лесу с ними одна морока. А деревянную конечность натягиваю только при перемещении по лесу, сильно натирает ногу, потом знатно болит кость и мясо так тянет, что свет не мил, – едва заметно поморщился он.

– Вы только не обижайтесь на меня, – вздохнула печально, – упала недавно и память отшибло, мало, что помню, – «призналась» я и прошла за вигвам, туда, где приметила старый, выдавший виды, то ли тазик, то ли корытце, искусно вырезанное из дерева.

Ощипывать воняющую мокрую тушку было отвратительно. Мне хотелось плюнуть и запечь её вот так, целиком, но я не знала, как это делается, а хитро глянувший мне вслед дядька Ансгар так ничего и не посоветовал. Он вообще по всей видимости не был словоохотливым нелюдем.

Я сделала так, как знала (откуда только такая информация всплыла в голове? По всей видимости когда-то читала что-то такое в интернете): окатив кипятком крула, спряталась в лесу, чтобы не засекли соплеменники. Около часа возилась только с перьями, пыхтя и тихо матерясь, старалась поскорее выдрать всю «растительность» вместе с «пенёчками».

– Наконец-то, – пробормотала устало. Отерев мелкие капельки пота со лба, глянула на безвольно болтающуюся голову крула на тонкой шее. Скривившись, подняла небольшой топорик, повертела его в руке, задумчиво глядя на птаху. Прицелилась, вдохнула-выдохнула, и с тихим хеканьем опустила лезвие на её шею.

Оставлять голову на земле не стала, откапала маленькую глубокую ямку и закинула туда. Возможно, эту часть тела тоже можно есть, но мне не хотелось, поэтому с глаз долой. Оценив поспешила посмотреть на кожистые лапы, но решила оставить, может Райла чего сготовит из них, тот же холодец, почему бы и нет? Из внутренностей оставила только сердце и желудочек, всё остальное отправилось вслед за головой. Закопав неудобные части, подняла корзину, в которую сложила мясо и отправилась к своему вигваму.

Дядька Ансгар сидел на том же месте и что-то строгал тонким ножиком. Подойдя ближе, смогла рассмотреть в его руках отменно выструганную статуэтку: мощный бык, с грозно опущенными крутыми рогами, одно копыто приподнято, словно он роет землю, собираясь сорваться с места. Вырезано было настолько талантливо, что я не удержалась и воскликнула:

– Какая красота!

– Благодарю, – хмыкнул дядька, – это бизок. Опасное травоядное, с ним даже хищники боятся сталкиваться, договорил и кинул на меня пронизательный взгляд: – Ощипала, как погляжу. Неплохо вышло. Скорее кидай что-нибудь от крула в котёл, вода уже кипит. Остальные части сложи в солёную холодную воду и уברי подальше в тень.

Соль у Райлы была, не так, чтобы много, на на обработку птички точно хватит. Вздохнув, принялась за дело: в бурлящую воду полетели сердце, желудочек, две ножки и крыло, остальное, уже поделенное на куски по сто-двести граммов, не стала трогать, засунув корзину с мясом в вигвам, потащила с деревянным ведром к реке.

Вернулась достаточно быстро, щедрой горстью кинула соль в воду и, размешав до полного растворения, погрузила разделанную птичку.

– Мясо не менее двух суток будет свежим, – одобрительно прокомментировал все мои действия Ансгар. – Теперь крупу положи, мясо уже почти готово, сыпь побольше, не жалей. Я голоден.

Мне всё больше не нравился его приказной тон и усмешка в глазах, но я молчала, а дядька Аруны продолжил говорить:

– Вижу, довели вас окончательно: шалаш совсем отодвинули от соплеменников, как только за круг бережный не выставили, – хмуро покачал он головой. – Ты вот крула убила, а это строго запрещено. Этих птиц ловят и закрывают в загонах лишь с началом холодов, до того момента пернатых не трогают, чтобы они набрали положенный вес и стали жирнее. Тебе ведь мать рассказывала обо мне?

Я кивнула. Райла говорила, что когда-то Ансгар был отличным воином, ему жизнью был обязан сам вождь Визэр, тот, что приходится мужем Лоски, противной крикливой орчанки. Я её видела лишь раз, когда она приходила за своими корзинами, и не скажу, что горю желанием встретиться с ней вновь.

Так вот, Ансгар мог бы жить здесь среди соплеменников, и никто бы ему и слова против не сказал, потому что он герой по местным меркам. Но и замуж за него никто бы не пошёл – всё же Ансгар калека. А это здесь очень нехорошо... Мужчина всё это прекрасно понимал, потому и решил уединиться в лесу, чтобы не видеть жалость в глазах знакомых.

– Если кто-то, кроме тех трёх болванов, узнает об этом, – тем временем продолжал говорить орк, – нам несдобровать.

Вот этого его «нам» примирило меня и с ехидной ухмылкой, и с командным тоном мужика. Дядя ненадолго смолк, затем, задумчиво причмокнув губами, добавил:

– Но, скорее всего, мы можем быть спокойны, никто не придёт. Сын Бергтора и его друзья свернули с охотничьей тропы и праздно поедали ягоды неподалёку от тебя, посему, если они кому-то проболтаются о тебе, им самим влетит весьма ощутимо. Ха! – вдруг развеселился неожиданный гость, – как ты их на место поставила, любо дорого было посмотреть!

– А как вы так быстро?.. – спросила я, удивлённо вытаращившись на его ногу.

– Я не досмотрел вашу схватку, поспешил сюда, – ещё шире улыбнулся Ансгар, – но даже так понял, что ты выиграешь. А на деревяшке, что заменяет мне отсутствующую часть ноги, я могу достаточно шустро передвигаться; её мне подарил Визэр в благодарность за спасение. В древо вплетены руны, наложенные эльфийским магом, так что и равновесие держу, и двигаюсь вполне неплохо. Вот только он никак не предусмотрел хоть как-то смягчить гнездо, куда помещается обрубок. Хотелось бы, чтобы не сильно давило на кость, и не так натирало кожу.

Слушая его, высыпала из холщового мешочка всю крупу в казанок и, взяв длинную деревянную ложку, замечательно сделанную (теперь я знала, чья это работа), принялась помешивать наш будущий обед и ужин.

– Как Райла? – спросил Ансгар, но в этот момент я обернулась к нему и успела заметить тень печали, мелькнувшую на его худом, измождённом лице.

– Почему вы уходите в лес? – вопросом на вопрос ответила я. А сама задумалась, что мать, по всей видимости нравится ему. Интересно, как насколько сильно?

– Почему в лес? Зачем я там живу в одиночестве? Ты же можешь подумать, девочка, – покачал он головой, – ответ на поверхности: я ущербный, принести пользу соплеменникам не в состоянии, лишний рот никому не нужен. Тем более бесполезный. И теперь я вечный страж у зева Галбрэндра (*прим. автора с норвежского – меч бога*), живу там, выстругиваю поделки, кои приношу в селение на продажу, – он ткнул большим пальцем за спину, где я давным-давно заметила большой мешок с самодельными ляжками. – Деревья, растущие у Галбрэндра, обладают необычными свойствами, например у них очень крепкая древесина, попробуй-ка сломать ложку, которой ты кашу мешаешь.

Повертела в руках обозначенный предмет, гладкий, замечательно отполированный, он был тёплым и приятным на ощупь. Пожав плечами, попробовала чуть согнуть, и стоило мне лишь надавить на ручку, как она похолодела и словно окаменела. Моему удивлению не было

предела! Я даже решилась и погрызла черпало, и в этом случае никаких следов от моих клыков не осталось.

– Ничего себе! – уважительно воскликнула я, – это просто замечательно!

– Да, прекрасное дерево, отменные вещи из него выходят, и срубить сейку тяжело, лишь с топором специальным это возможно. А ещё оно прекрасно хранит наложенные на него заклинания, оттого дорогое и высоко ценится среди магов.

– Понятно, – протянула я, оглядывая ложку ещё раз. – Вы не боитесь там жить? Среди нежити или ещё кого смертельно опасного.

– Если знать безопасные места, то жизнь там вполне сносна, – хмыкнул он.

– Мать говорила, что многие места с кариллой были найдены именно по вашей подсказке.

– Карилла растёт всегда. Через два дня на старом поле она появляется вновь, а через три её можно собрать ещё раз. Так что, моя заслуга не столь и ощутима, – пожал он узкими плечами.

Попробовав густое варево, которое в этот раз пахло гораздо аппетитнее предыдущих вариантов, наполнила одну из мисок и протянула Ансару. Тот принял еду с благодарным кивком и принялся неспешно насыщаться, с удовольствием прищурился. Я не отставала, наворачивая обжигающую кашу полной ложкой. Ммм, как я, оказывается, соскучилась по свежему мясу!

– Вечером я уйду к вождю, – доев, предупредил меня Ансар, – а утром отправлюсь в лес и ты пойдёшь со мной, буду учить тебя ставить петли на прыгунов, раньше ты была знатной трусишкой, а сегодня я видел совсем другую Аруну... посему нужно попробовать... А вот здесь, – он подтянул к себе увесистый пыльный мешок, развязал тесёмки на горловине и достал мешочек поменьше, протянул его мне и пояснил: – Здесь ложки, статуэтки, бусы из сейки, пару широких блюдец. Можете использовать, либо продать, как сами решите. Скоро нагрянут купцы, вот им и предложите. Добрую цену дадут.

Я благодарно кивнула, принимая подарки.

– Я прилягу, долго шёл к вам, устал, – и, ловко подхватив костыли, поднялся. Я глазом моргнуть не успела, а он уже скрылся в нашем с Райлой шалаше. Прекрасно! Неужели мы с мамой сегодня будем спать под звёздами? Да нет, навряд ли, хотя если так...

– Ладно, разберёмся, – тихо шепнула под нос, а взгляд сам собой упал на прутья, лежавшие в стороне от шалаша. Из них мне предстояло за сегодня сплести ещё как минимум две корзины. Гадство, я уже ненавидела это ремесло.

Глава 6

Вечер наступил как-то неожиданно быстро. Я настолько увлеклась плетением корзины, что не сразу обратила внимание на вышедшего из вигвама дядьку Ансгара. Тот, опираясь на костыли, прошагал пару метров до казанка с водой, зачерпнул из него воды глиняной миской и махом осушил согретую за день воду. Поморщился недовольно, а после присел неподалёку в тени шалаша и, вынув из нагрудного кармана фигурку быка снова принялся в ней что-то вырезать.

– А как у вас получается что-то делать с фигуркой? Она ведь из сейки? – полюбопытствовала я, загибая последний прутик так, чтобы он крепко встал между двумя предыдущими.

– Я хозяин срубленного дерева, – ответил он мне, но я ничего не поняла, и только было открыла рот, чтобы уточнить, как в нашу беседу вклинился усталый женский голос:

– Сейку тяжело срубить, и если это кому-то удаётся, то дерево подчиняется срубившему, в данном случае твоему дяде. Приветствую тебя, Ансгар! – договорила Райла, опуская на землю практически пустую корзину, на самом её дне лежали два продолговатых клубня коричневого цвета – та самая карилла, что подпитывает силы того, кто употребит её в пищу. Я сама уже убедилась в необыкновенных свойствах этого корнеплода, с каждой ложкой каши или похлёбки из кариллы в жилах течёт всё больше энергии, а если организм ослаблен или болен, то выздоровление ускоряется, раны быстрее затягиваются и через пару тройку дней хворый становится практически здоровым.

– Как ты? – спросил дядька Ансгар, он достаточно ловко поднялся на ноги, палки-костыли уже были в его руках, помогая мужчине поймать равновесие.

– Всё хорошо, Анс, – выдохнула мать, подошла к нему и положила свою правую руку на его надплечье и крепко сжала, мужчина поступил точно также. Интересно, это такое орочье приветствие? Мне понравилось, выглядело очень по-дружески. – Сегодня на стражей напала рыса, ты же знаешь, какие они любители кариллы, двоих ранили крепко, сейчас у Виты лежат, но, думаю, через пару дней снова будут в строю.

– Бывает, – кивнул Ансгар, отпуская руку Райлы и вглядываясь в её усталое лицо. – Аруна память потеряла?

– Да, – женщина кинула на меня быстрый взгляд и тут же его отвела. – Сильно ударилась головой. Шайка Гтора снова к ней пристала, а она отпор дать не смогла, ты же знаешь, какая робкая всегда была... вот и получилось то, что получилось...

– Ничего, жива, а это главное, – вздохнул мужчина, сверля профиль Райлы таким взглядом, что даже я, ничего не знающая, смекнула насколько ему нравится моя мать. И не просто нравится... там всё было: и нежность, и желание, и безнадежность, и тоска... Мужик любил Райлу, и чтобы это понять не нужно быть супер проницательным, но стоило маме обернуться к нему, как его лицо мигом стало непроницаемым. Чуть сочувствующим.

– Да, главное, что жива. Я сейчас умоюсь на реке и сготовлю ужин, – вдруг засуетилась женщина, вспомнив о том, что у неё некормленная дочь и гость.

– Так Аруна уже всё приготовила, – хмыкнул Ансгар, лукаво поблёскивая глазами.

– Даже так? Но как?... – ошеломлённо спросила мать.

– Я птицу принёс, – прикрыл меня дядька, – советы ей дал, как поступить с тушкой, вот она, умница, всё и сделала. – Ага-ага, советы он мне давал, я едва сдержалась, чтобы не фыркнуть.

Женщина лишь безмолвно всплеснула руками, довольно оглядывая котелок над огнём, куда я минут десять назад водрузила казан с остатками обеда.

– Мама, – обратилась я к ней, отрезая торчащий кусок ветки в практически готовой корзине, – ты сходи за водой, а я почищу кариллу и закину её в котелок. Всё полезнее будет.

– Да-да, – кивнула она, снова кинув на меня задумчивый взгляд и, подхватив деревянное ведро, отправилась в сторону реки.

– Я пойду к вождю, – вдруг сказал Ансар и, подхватив свой всё ещё сильно увесистый мешок, отправился прочь, – завтра будь готова, рано утром я за тобой приду, – не оглядываясь, проронил он и не спеша заковылял в сторону поселения.

Пожав плечами, подняла помятую крышку казана и помешала длинной деревянной ложкой булькающее варево. После занялась волшебными клубнями. Отмыла в остатках воды в тазу и почистила. Один из них нарезала на кубики, отправила в похлёбку, второй крошила ещё мельче, но оставила лежать на доске, выполнявшей роль разделочной. Придвинула к огню так, чтобы жар шёл, но не сильный, мне хотелось подсушить корнеплод, а потом столочь его, добавить местной муки и испечь лепёшки.

После мой взгляд упал на мешочек, в котором лежали подарки от дядюшки Ансара. Подтянув его к себе, развязала тесёмки на горловине и высыпала содержимое на коврик перед собой.

– Хмм... – задумчиво протянула я, разглядывая поделки, созданные талантливым человеком.

Моя рука сама потянулась к округлому предмету, взяв его в руки почувствовала тепло и что-то такое необыкновенное... сердце, пропустив удар, забило быстрее. Овальный брусок был размером с половину моей ладони, совершенно гладкий с обеих сторон, с маленькой дырочкой на одном конце, в которую была продета кожаная верёвочка. Недолго думая, надела кулон, а это был именно он, на шею, завязав крепкий узелок. Двойной, чтобы уж наверняка не потерять где-нибудь. Спрятала под рубаху так, чтобы украшение не было заметно.

Удовлетворённо выдохнула. Необъяснимые чувства. И чего так засуетилась?

Нужно будет спросить у дядки Ансара, что это такое и почему мне настолько сильно захотелось обладать этой вещью?

Остальные вещички были предназначены для бытового использования: десяток ложек суповых, три поварёшки с длинными ручками, пяток мисок и чаш всё из той самой сейки.

– Всё продадим, мама, – сказала я матери, как только она, расположившись напротив меня, приступила к ужину.

– Продадим, – не стала спорить она, с удовольствием принимаясь за похлёбку. – Ммм... как же вкусно! И как давно я не ела свежего, не копчёного мяса! Рада, что Анс жив-здоров и пришёл нас проведать.

– Мама, – проговорила я через пару минут молчания, стараясь правильно подобрать слова, – дядька Ансар приходился братом моему отцу?

Женщина вскинула на меня свои большие тёмно-зелёные глаза и кивнула.

– Да, он был ему братом по отцу.

– Понятно, – вздохнула я и вернулась к своей порции.

– А что? – не выдержала Райла, сверля меня любопытным взглядом.

– Понимаешь, – промямлила я, но всё же решила прояснить этот вопрос, иначе не успокоюсь. Любопытство меня когда-нибудь сгубит. Уже раз сгубило: мне ведь было так интересно, смогу ли я заниматься паркуром и прыгать с крыши на крышу, как человек-паук. Допрыгалась. – Я заметила, как он на тебя смотрит. Мне показалось, что Ансару ты очень нравишься... как женщина.

– Ох, Аруна! – всплеснула руками женщина, но было заметно, что и она об этом знает. Женское сердце не обманешь, мы такое чувствуем. – Даже если и так, как ты говоришь, то замуж он меня не позовёт. Потому что гордый и считает себя неполноценным орком.

– Из-за ноги?

– И из-за потери дара, – тихо ответила она, глядя на весело пляшущий в костре огонь.

– А он тебе нравится? – ляпнула я, не подумав.

– Аруна... – многозначительно и строго протянула она, – это не то, что нам следует обсуждать.

– Хорошо, – легко согласилась я, и сменила тему: – Мама, я хочу ходить вместе с тобой в лес. Я уже ненавижу эти корзины. Мне не хватает движения. Моя душа рвётся на свободу!

– Ох! – изумлённо воскликнула Райла, покачав головой, озвучила свои мысли: – и ты готова весь день вместо того, чтобы сидеть в безопасном месте, рисковать жизнью в лесу?

– Ну, так ведь ты и другие женщины это делаете каждый день! – нахмурилась я, явно ничего не понимая.

– А ты заметила, что ходят в основном одни и те же?

– Эм, – и замолчала, действительно, почему основная часть орчанок сидят у себя в шалашах, занимаясь рутинными делами, такими, как готовка еды, выделка кожи и пошив, штопанье одежды.

– То-то же, – невесело улыбнулась женщина, – ходят те, у кого нет кормильца и защитника.

– Мама, а где они все живут? – огляделась я, потому что если есть ещё такие же, как мы, то почему они не поселились рядом с нами?

– Они наложницы, я же в наложницы не пошла. Не хочу так, хотя предложения были, – совсем тихо добавила Райла. А моя челюсть отвисла, вот те раз, и здесь есть такое. – И не нужно их осуждать! – вдруг добавила она, заметив на моём лице гримасу презрения. – У них есть дети, их нужно кормить, и это их выбор. Таким образом у них есть нормальная еда, возможность жить в большом шалаше. Целом, без дыр. Они и их дети не мёрзнут, когда наступают холода. Понимаешь? За это им, конечно, приходится много работать, в том числе рисковать жизнью в лесу. Но зато семьи, что взяли их под свою опеку не выкинут сирот за порог. Великий Хеймдалль будет строг на последнем суде, посему никто не смеет нарушать этот закон.

– Понятно, мама, – кивнула я, удовлетворённая этим объяснением и возросшим уважением к самой Райле, какая сильная и решительная женщина. Принципиальная.

И впервые я была рада, что ошиблась в своей оценки. Райла была не такой, какой изначально мне показалась – совсем не мягкой и добродушной матерью-наседкой.

Спала я тревожно, мне снилось, будто я заживо замурована и лежу под толстым слоем земли и нужно срочно найти выход из сложившейся ситуации, но мозг не мог успокоиться, а кислорода с каждой секундой становилось всё меньше...

Я очнулась резко, с бешено колотящимся сердцем и болью в висках. Стараясь не разбудить, спящую рядом мать, села и прислонилась мокрой от пота спиной к крепкому деревянному столбу. Прошло несколько минут, когда я смогла более-менее успокоиться, затем медленно открыла глаза.

Огляделась. Райлы, как оказалось, рядом не было. Зато со стороны входа в шалаш раздавались тихие голоса. Я, собрав волю в кулак (в висках всё ещё стучало), встала и тихо приблизилась к выходу, чуть приоткрыла полог и прислушалась.

– Аруна стала другой, – донёлся до меня грустный голос Райлы. – Её словно подменили, я не узнаю свою дочь...

– Райла, а ты не думала, что это неспроста? – также тихо ответил ей дядька Ансгар, его чуть хриловатый голос я тут же узнала.

– Что ты этим хочешь сказать?

– Аруна теперь сможет постоять за себя, – уверенно сообщил ей одноногий орк, – боги забрали у неё что-то, но дали другое, возможно то, что так вам необходимо. Смелость, упрямство и упорство. А, может, и больше этого... Я не нашёл кулон из корней сейки в тех вещах, что вам подарил. Он весьма некрасив и неказист на вид, столь юная девушка не могла позариться на столь неприглядное украшение. А она его забрала. Купцы с руками бы его у вас оторвали, потому что это отличное вместилище для магической энергии.

Тут я услышала, как моя мать громко ахнула, а Ансгар шикнул на неё:

– Тише ты! Успокойся! Мои слова ещё ничего не значат! Посему, волю Хеймдалля следует принять, не будет твоя Аруна прежней. Или ты хочешь потерять и такую дочь?

– Нет-нет! Ты что такое говоришь! – было слышно, как женщина искренне испугалась. – Лишь бы жива была, пусть другая уже, но живая...

– Вот и помни свои слова, ежели сомнения вдруг снова закрадутся в твою душу.

– Я запомню, – вздохнула Райла и послышался шорох, – я пойду спать, друг мой. Завтра рано вставать.

– Иди, Райла, доброй ночи! И я пойду, Визэр для меня приготовил спальное место.

Я не стала дослушивать, как можно быстрее метнулась на своё место, укуталась в папахивающую вытертую шкуру и закрыла глаза, постаралась выровнять дыхание. Через некоторое время в вигвам скользнула мать и заняла своё место напротив меня.

Глава 7

Проснулась под утро. Отчего-то сегодня было особенно зябко, даже прохудившаяся шкура, которой я накрылась, не особо спасала от холода. Откинув «одеяло», встала и, стараясь не шуметь, выбралась наружу.

Прохладный воздух всё ещё властвовавшей ночи, укутал меня в кокон и заставил вздрогнуть от неожиданности. Встряхнулась, стараясь взбодриться.

Огляделась. Какая оглушающая тишина вокруг. Даже осторожный огонь горит беззвучно. Его магическое пламя возвышалось над землёй на несколько сантиметров, изгибаясь в причудливом танце, с трудом оторвав от него взор, посмотрела на тёмное небо, где две фантазмагоричные луны мягко сияли в его бархатной глубине: одна была небольшой, в сравнении с другой, насыщенно фиолетового цвета, вторая едва угадывалась и отдавала лёгким голубым сиянием.

Нереальная картина и пугающая до дрожи.

В какой такой мир меня занесло? Как выжить тут? Раньше я отгоняла все эти бередящие душу вопросы. Я далеко не трусиха, но я боюсь, и это, наверное, правильно. Неправильно не бояться.

Вдохнув насыщенный ледяной воздух, мотнула головой – вот ещё одна проблема: мои волосы, давным-давно превратившиеся в нечёсанные лохмы, туго ударили по плечам, заставив поморщиться от неприятного запаха, к которому я должна была бы уже по привычке привыкнуть, но... нет, меня всё ещё эти ароматы смущали и нервировали. И, что интересно, вшей в шевелюре не было, и с чем это связано, не ведаю, нужно уточнить у Райлы.

Подойдя к огню, присела подле, но теплее не стало, он словно был таким же выстуженным, как и всё пространство вокруг. Пожав плечами, поднесла раскрытую ладонь к самым верхним язычкам, а через секунду отёрнула – пламя лизнуло, опалив кожу, та теперь горела и я, не зная, как быть, прижала её к холодной земле. Тут же почувствовала облегчение. Словно меня пожалели и приласкали. Благодарно погладила утрамбованную практически до каменной твёрдости землю, хотела было подняться, чтобы смазать руку кусочком жира, как услышала у самой кромки леса хруст, вскинула глаза, вглядываясь в темнеющие, плотно стоящие, деревья. Краем глаза уловила неясное движение, смазанное, быстрое и мне стало страшно.

– Дочка, ты чего так рано встала? – раздался хриловатый со сна голос Райлы. А я вздрогнула от неожиданности, едва не подскочила, забыв про ожёг.

– Не спится, что-то, – честно ответила я, беря себя в руки. Помолчала немного и вдруг решила разыграть сценку, – и ты словно от меня отгородилась невидимой стеной, как-будто я стала чужой, – печально глядя на мать, протянула я, – чувствую себя такой одинокой... – всхлип был бы тут к месту, но решила не переигрывать, просто повернулась к ней спиной и понуро опустила плечи.

– Да что же ты такое говоришь, Аруна! – я скорее почувствовала, чем увидела, как женщина расстроено всплеснула руками, а потом она подошла ко мне, развернула к себе лицом, вгляделась в мои глаза и крепко обняла, прижимая к своей груди. – Ты не одна... просто пойми, после травмы ты стала другой, я была в растерянности... но сейчас всё хорошо, прости меня, ты моя кровиночка, я ни за что тебя не оставлю!

Вдохнув запах Райлы (она тоже не благоухала розами), прикрыла веки, ближе в этом мире, чем эта женщина у меня никого нет. Она заботится обо мне, как может, переживает. А мне теперь никак нельзя её подвести.

– Мама, а когда можно будет помыться в реке? Мои волосы в ужасном состоянии, – заговорила я спустя несколько минут тишины.

– Зачем мыться? Вода в реке всегда холодная – судороги мигом сведут все конечности, а там и заболеть недолго. Мы обтираемся песком и рчаткой, она не позволяет заводиться на наших телах различным кровососущим жучкам, да и иные болезни тела обходят стороной, – искренне недоумевала она, заглядывая в мои глаза.

– Тогда хотя бы расчесать их, – дёрнула я за один из колтунов, – невозможно так ходить, голова болит.

– Гребень я достану, – кивнула после секундного замешательства мать. – Помогу разобрат на пряди, станет полегче.

– Таккь (прим. автора: с норвежского – спасибо), – поблагодарила её я и улыбнулась.

– И чего ты забыла у бережного огня? – вдруг всполошилась Райла, увлекая меня за собой, – пойдём, костёр разведём, а то потух практически, вот и холодно в шалаше стало.

Я следила за женщиной: та споро поворошила тлеющие угли в костре, что был разожжён неподалёку от нашего вигвама, закинула в него ломкий сухой хворост, и пламя мгновенно, весело треща, занялось. Затем настал черёд более крупных веток.

– Не стой без дела, неси остатки крула, сварим часть, часть запечём, с собой возьмём в лес, – заворчала женщина, но как-то так по-доброму, с другой совершенно интонацией, и я вдруг отчётливо поняла, что новую Аруну приняли, и у меня теперь точно появился кто-то родной и близкий. В груди разлилось тепло и я, отчего-то глупо улыбаясь, помчалась за шалаш, куда убрала казанок с замоченными в солёной воде кусками мяса.

К тому моменту, когда первые лучи местного солнца коснулись горизонта, окрашивая его в яркие ало-жёлтые тона, а бережный огонь погас, словно его и не было и вместе с ним истаяли две луны, мы уже успели сварить кашу на завтрак, и нанизать мясные куски на крепкие тонкие палки и разложить над костром, чтобы поджарились.

– Гу морн! (при. автора: доброе утро) – раздалось вдруг, я резко обернулась к говорившему и искренне улыбнулась: к нам пожаловал дядька Ансар, и в этот раз он не ковылял, опираясь на свои костыли, а шёл сам, его «протез» едва слышно постукивал по утрамбованной земле. Его шаг был вполне уверенный, мужчину не качало, он лишь едва заметно похрамывал.

– Гу морн! – кивнули мы одновременно с матерью, – садись, – продолжила Райла, подхватывая ещё одну миску и плюхая в неё кашу, – поешь с нами.

– А давай, – кивнул он и вполне ловко уселся на циновку, после чего взял в руки чашу с ложкой. – Вот она моя нога, – кивнул он на свою деревянную конечность. – До середины дня вполне сносно её использовать, но вот после полудня... – и многозначительно замолчал, принимаясь за еду.

– Визэр, как погляжу, все твои поделки выкупил? – спросила Райла, переворачивая прутья с мясом, чтобы прожарить и другие стороны.

– До последней поделки купил, – кивнул Ансар, проглотив первую ложку каши, – просит ещё луки ему со стрелами смастерить, только ведь непростое это дело, нужно думать.

Доедали молча, всё это время дядька как-то хитро на меня смотрел, сверкая своими тёмными глазами.

– Аруна, – обратился он ко мне, отставляя опустевшую чашу, – готова учиться?

– Готова! – уверенно ответила я, собирая посуду, – вот только сполосну миски и можем выходить.

Райла всё это время молчала, скорее всего она уже знала о наших планах с дядей, поэтому не последовало никаких вопросов и даже отговаривать она не собиралась – ей явно понравилось обедать свежим мясом и даже то, что сегодня у неё будет, что перекусить в течение дня перевесило желание отговорить Ансара в его стремлении обучить меня добывать нам пропитание в лесу.

– Не волнуйся, Райла, – всё же заговорил мужчина спокойным тоном, – я покажу тропы, где нет никакой опасности, объясню правила поведения в лесу. Всё у дочки твоей получится, даже не сомневайся!

– Я верю тебе, Анс, – вздохнула мать, – но всё же прошу быть осторожными и внимательными.

Ансгар просто кивнул, а я поспешила помыть посуду, иначе за день остатки еды прилипнут к стенкам и отмыть её будет в несколько раз сложнее.

Взяла первую миску и тут вспомнила о ране, полученной от бережного огня, но рука не болела и вообще на ладони не было следов ожога, даже кожа не покраснела. Странно как-то. Пожав плечами, вернулась в начатому делу.

Мать ушла на место сбора карильщиц и охотников, уложив на дно своей корзинки завернутое в крупные листья лопуха (здесь он носил интересное название борре) куски зажаренного мяса, пару таких свёртков выдала мне и дядьке Ансгару.

Я же, подхватив выдавший виды нож, просунула его за ремень, чем заслужила одобрительный взгляд Ансгара. И не забыла перелить остатки воды из деревянного ведра в знавший лучшие времена кожаный бурдюк. На ногах у меня красовались странные сандалии из толстой прочной подошвы, выданные матерью, к ноге они крепились длинными ремешками, до этого я щеголяла босиком, что не причиняло мне особых неудобств, видать тело давно привыкло.

– Готова? – уточнил Анс и, не дожидаясь ответа, зашагал в сторону леса.

– Поблизости от поселения практически безопасно в дневное время, – негромко начал свой рассказ дядька Ансгар, он передвигался плавно, даже текуче, ни одна ветка не хрустнула под его ногами, ни один сучок не был задет, – я покажу тебе тропы, по которым перемещаются прыгуны. Прыгуны никому из охотников неинтересны, мяса у них мало и оно довольно-таки жёсткое, и ещё немного пахнет, шкура – замучаешься срезать и выделывать, уж больно зверь мелок. Но вам с матерью и того будет довольно, чтобы жить и не болеть.

Я кивнула, внимательно его слушая. Пока да, нам этого хватит, а дальше посмотрим.

– Я покажу тебе путь до самой границы, куда хода простым оркам нет. Если ты не маг, – быстрый взгляд в мою сторону, – и не орк-берсерк, то, скорее всего, там и сгинешь. Без провожатого и необходимых знаний по ту сторону тебе делать нечего. Посему проведу тебя докуда можно, чтобы ты знала и не рисковала забредать в запрещённые места.

Кажется, день будет долгим, но мне нужны знания, а, значит, молчим и запоминаем.

Глава 8

– Молодец, – похвалил меня Ансгар, – хорошо петлю сделала, крепкую, так-с, пусть прыгун ловится, а мы тем временем прогуляемся до опушки, и я тебе покажу границу между безопасной частью леса и той, куда ходить не стоит.

Мы шли неспешно, дядька говорил лишь тогда, когда на нашем пути встречались интересные на его взгляд растения, поясняя, какими свойствами они обладают.

– Когда живёшь в лесу иной раз обычные с виду растения могут утолить голод, помочь при горячке и запечатать рваную рану, – добавил он, протягивая мне какие-то странного вида грибы, что срезал у основания незнакомого мне деревца. – Это лих, очень редкий гриб. Добавь его сегодня вечером в суп, спать будешь отлично и даже холод не потревожит. Интересно, обычно он не растёт в этой части леса, да вообще в этой стороне... – он кинул на меня ещё один задумчивый взгляд, но снова промолчал.

Через три часа, а, может, и больше, мы выбрались на вершину крутого склона, который резко заканчивался впечатляющим обрывом.

Я потрясённо замерла, вглядываясь в величественную картину, раскинувшуюся передо мной: длинная широкая каменистая полоса с пожухлой едва заметной травой, делила всё видимое пространство на два лагеря: первый – из которого мы вышли со смешанным лесом, второй состоял сплошь из мощных разлапистых вековых елей и ещё каких-то неизвестных мне деревьев. Там, внизу, у их подножия лёгкой дымкой стелился сизый загадочный туман.

Ветер игриво растрепал и без того растрёпанные волосы, ласково прошёлся по лицу и улетел дальше. Мне понравилось это место, обязательно приду сюда ещё раз.

– Граница, – озвучил очевидное дядя, – светлая часть приспособлена для жизни, тёмная, – он ткнул узловатым длинным пальцем с застарелыми мозолями в противоположную сторону, – для хорошей охоты и искателей. Очень часто по границе бродят стада, как видишь, они здесь знатно попиروвали и ушли дальше на юг; после дождей трава снова поднимется, и они вернуться.

Мужчина помолчал недолго, а потом, резко ко мне обернувшись, глухо предупредил:

– Не пересекай эту долину, не входи в тёмный лес. Там гораздо опаснее, чем здесь. И даже тому факту, что нечисть выходит только ночью, и вроде бы боятся нечего, не верь. Всякое может случиться. И да, последнее, иди сюда, – поманил он меня к себе, сам шагнул к самому краю обрыва и указал рукой вниз.

Я спокойно подошла к нему и бросила взгляд вниз.

– Ох! – удивлённо воскликнула я, глядя на практически отвесную стену, – так я вниз никогда не спущусь, шею переломаю тут же.

– Есть места, где можно, и искать их особо не придётся, охотники твоего племени ходят именно по таким тропам. В тёмном лесу полянок с кариллой гораздо больше.

Он говорил, а я смотрела на виднеющиеся острые камни, разбросанные по плато то тут, то там. Если сорвёшься и не сломаешь шею, то перебьёшь хребет однозначно.

– Надеюсь, ты меня услышала, – вздохнул дядька Анс, отчего-то не став брать с меня честное слово и клятвенных обещаний. За это я его зауважала ещё больше – жизнь всяко может повернуться, вдруг придётся мне в тёмный лес всё же отправиться? Никто не знает.

Но вот то, что именно на этот пяточок я теперь часто буду навещать – точно, мне здесь понравилось. Красота неопишемая! Дух захватывает! И все проблемы кажутся мелкими, суетными, преодолимыми.

– Я вас поняла, дядя Ансгар, таккъ скаль дю ха (большое спасибо)! От чистого сердца, – и поклонилась, не знаю почему поступила именно так, но довольный взгляд его тёмных глаз и ответный неглубокий поклон, подсказали, что всё сделала верно.

– Пора возвращаться, проверить не попался ли кто в твою ловушку, – улыбаясь, предложил Анс и отправился в лес, уже гораздо заметнее прихрамывая. Я же задержалась на секунду, вдыхая пьянящий запах, какой-то особенный, царящий именно здесь, и поспешила за мужчиной.

Прыгунами оказались самые обыкновенные зайцы. Правда, они были мельче привычных, очень юркие и подвижные. А ещё ушки короче. Милашки, но с острыми зубками.

– Они кусаются, поэтому прижимаешь тушку к земле и сразу же добиваешь, – инструктировал меня дядька Ансар, – а если забудешься или замешкаешься, пальца мигом лишишься.

– Хотите сказать, что они хищники? – фыркнула я недоверчиво, поднимая умерщвленную Ансом тушку и крутя её перед глазами.

– Конечно, едят мелких грызунов, жирных древесных червей и носух они употребляют в пищу с огромным удовольствием. Но не брезгуют и съедобными ягодами, и некоторыми видами коры, об которую, к слову, точат свои острые зубы, – обстоятельно пояснил одноногий орк, поднимаясь. – Прикрепи добычу к моему ремню. В следующий раз прихвати корзинку, так оно удобнее будет.

Едва заметно поморщившись, я, засунув свою брезгливость куда подальше, сделала, как велели.

– Этой добычи вам с матерью хватит на день, обнови петлю здесь, и установим парочку дополнительных на обратном пути. А завтра поутру придёшь и проверишь.

В стойбище вернулись глубоким вечером, мне требовалось много времени, чтобы поставить петли так, чтобы Ансар в итоге остался полностью довольным.

– Завтра утром я покину вас, – сказал он, присаживаясь на циновку, расстеленную у жарко горящего костра, после чего развязал ремни, которыми крепился протез к его культе, и с негромким стоном облегчения откинул деревяшку в сторону.

Райла уже была дома, успела приготовить еду и, забрав у меня тушку прыгуна, взамен впихнула в руки миску с надоевшей кашей.

Пока мы ужинали, принялась разделявать хищного зайца, мурлыча себе под нос какую-то мелодию.

– А почему бы вам не остаться здесь, с нами? – спросила я, проглотив горячую пищу.

– Наше племя нуждается в моих поделках, за них можно выручить настоящие монеты, а не только обменять на мешки с зерном. Потеряв свою вторую ипостась, боги наградили меня возможностью слышать, – в таинственную личность Анса вплелись новые загадочные факты. Что за способность? Слышать? Кого? Или что?

Прочитав на моём лице вопрос, он усмехнулся, потёр переносицу и всё же пояснил:

– Я слышу, когда сейка готова поддаться моему топору, слышу дыхание нечисти и могу вовремя избежать встречи с ней. Редко, когда, отнимая что-то важное, даётся иное. И не воспользоваться открывшимся даром я не мог. Я не так, чтобы важен для селения, они могут выжить и без меня. Но подспорьем быть лучше, чем калекой-нахлебником. Я говорил вчера с Визэром о вас. О тебе и твоей матери. Но законы едины для всех, если Райла так и не захочет стать наложницей кому-то, то и жить-выживать ей придётся самой.

Я посмотрела на мать, сидевшую к нам спиной, и заметила, как окаменели её хрупкие плечи.

– Мы не будем прогибаться под эти условия, – фыркнула я, отставляя чашу, – мы пойдём другим путём, дядюшка.

Тот ничего на это не сказал, лишь едва заметно изогнул кончики губ в тихой усмешке.

Солнце медленно тонуло, окрашивая горизонт в фиолетово-красные тона. Зажглись первые звёзды, зашипело в обережных сосудах, пыхнуло и полыхнуло. Огонь защитный взвился высоко вверх и вернулся вниз, начиная свой причудливый танец.

– Пойду к Визэру, – вздохнул Ансгар, а Райла помогла ему встать и подала костыли. – Год натт! (доброй ночи).

– Год натт! – кивнула я и искренне добавила: – Таккь!

Мужчина понимающе кивнул и ушел.

Мать пошла его проводить, а я задумчиво отхлебнула медвяного горячего напитка с какими-то листиками, сладко-горьковатое послевкусие не раздражало. Мне понравился этот «чай».

Глядя в костёр, задумалась о своей той, другой жизни. С каждым днём она словно покрывалась лёгкой дымкой, притуплялись чувства и тоска о привычном.

После детского дома я поступила по государственной программе в университет на бюджет и вполне успешно его закончила. И была я по профессии простым агрономом. И, глядя на то, какие растения растут вокруг, поражалась насколько сильно они отличаются от земных.

Хотелось ли мне стать прогрессором в новом мире? Если вспомнить все те сказки про попаданцев, то безусловно да, хотелось, но с исходными данными, да ещё и с магией в придачу, сложно представить мою нужность в местном обществе, которое живёт по непонятным законам и следует странным для меня обычаям, обрекая на голодную смерть двух незащитных женщин.

Почесала затылок и тут же вспомнила тот роковой день, когда решила заняться паркур. И чего мне дома не сиделось, вечно ведь искала приключений на свою пятую мхм... В принципе, занятия мне очень нравились и были очень хорошие результаты после нескольких месяцев активных тренировок, а участие в городском конкурсе сулило неплохую прибыль. Нужно-то было выполнить всего лишь несколько сложных трюков.

В самый ответственный момент – в финале, меня подвело равновесие – нога подвернулась, и я молнией ухнула вниз, треснувшись виском о бордюр, страшный треск, беспощадная боль... темнота..., и я очнулась уже здесь...

– Аруна, дочка, – из воспоминаний меня вырвал голос матери, – пора готовиться ко сну. Завтра нам рано вставать. И да, вот это тебе передал дядя Анс.

Она протянула мне фигурку, которая оказалась тем самым быком. Я благоговейно погладила мощные рога и умную чуть вытянутую морду. Великолепное животное! Изделие высшей пробы, выполненное с невероятным искусством.

И ещё раз мысленно поблагодарила дядюшку Ансгара за такой чудесный подарок!

Глава 9

– Где корзины? – раздалось позади меня, я резко развернулась, чтобы встретиться с требовательным взглядом неизвестной мне женщины.

Орчанка была свирепо-прекрасна и своей статью могла посоперничать с некоторыми мужчинами, коих я иногда видела издалека. Мощная нижняя челюсть с внушительными жёлто-серыми клыками, крупный нос картошкой, большие уши, левое было поломано в нескольких местах, куча серёг из светло-серого металла, похожего на серебро. Но самым примечательным на её лице был шрам, тянувшийся от левого виска и по щеке до самого подбородка. Глубокая когда-то рана заросла, превратившись в безобразную отметину.

Широкие плечи могли унести на себе меня и Райлу.

Не женщина – танк!

Честно, я несколько испугалась, всё же когда на тебя прёт такая махина, любой дрогнет. Но внешне постаралась остаться бесстрашной. Кажется, удалось, потому что тётка едва слышно одобрительно фыркнула. Или мне просто показалось.

Не видела её раньше в поселении, хотя я многих не видела. Жила своим шалашом и лесом. Последние дни мои будни начинались с раннего завтрака, и затем почти весь день я проводила в светлой части Великого леса, собирая камни у обрыва, складывая их на одну из шкур, что с разрешения матери взяла для своих нужд.

– Гу дагь! Мы пока приостановили плетение корзин, – вежливо ответила я, – но вы можете взять любую из уже готовых, – кивок на остаток былой роскоши.

– Погоди, как это приостановили?! Вам больше не нужны зёрна для каши? – её удивление было настолько искренним, что я решила объяснить ей всю ситуацию.

– Почему же, нам очень нужна крупа, но в данный момент передо мной и матерью стоят несколько иные задачи.

– Как-то странно ты говорить стала, Аруна, – прищурила свои тёмно-янтарные глаза женщина, подошла ко мне практически вплотную, вглядываясь в моё лицо, – по стойбищу слухи ходят, что тебе крепко досталось по голове и твой рассудок помутился. Но я и представить не могла, что настолько.

– Главное, жива осталась, – как можно безразличнее пожала плечами в ответ.

– Хмм, и-то правда, это важнее. Но дурочкой ты не выглядишь, слюни не пускаешь и речь твоя связная, хоть многие слова мне непонятны, – женщина, что-то обдумав, заявила, – мне нужны две большие, воот такие, – продемонстрировала она внушительных размеров тары, – среди остатков таких размеров не вижу. – Прижав указательный палец к мощной челюсти, оглядела наши невеликие запасы. – Я вам горсть с мою ладонь крупы отсыплю, а вы мне за три дня подготовите корзины.

Моя челюсть медленно поползла вниз, эка какая наглая тётка! Я ей об одном, а она, словно ничего не слышала, о своём. Отказать ещё раз? Надавить на неё? Чем? Своим жалким авторитетом? Не смешно ни разу. Орчанка выглядела весьма угрожающе и воинственно, с такой спорить – хлопот не оберёшься.

Покадав эти мысли в голове пару раз, решила, что стоит согласиться, но выторговать условия получше.

– Эм... простите, я не помню, как вас зовут?..

– Инджибджорг (прим. автора: с норвежск. – помощь, защита), – ответила она, ну и имя, никогда не выговорю! – память отшибло?

– Да, мало, что помню, – вздохнула, – такие корзины раньше, чем через дюжину дней не сделать, – в глазах тётки возникло непонимание, вот так выяснился вопрос о грамотно-

сти местного населения. Нулевой уровень, кажется. Растопырив перед собой обе руки, – вот столько дней. И ещё два.

– А... поняла, но мне срочно нужны!

– Ничего не могу поделывать, – примирительно покачала головой я, – а ещё крупы должно быть больше.

– Больше?! – женщина застыла с приоткрытым ртом, минуту висела в своих мыслях.

– Нам ваши три ладони на пару дней, – вырвала я её из глубокой задумчивости.

– Три ладони?! – и без того круглые глаза незваной гостьи стали ещё шире.

– Заказ ваш я буду выполнять долго. Справедливо, если вы заплатите больше. Вот эта корзинка, заполненная до краёв, будет вполне справедливой платой.

– Полная корзина крупы? – левый глаз Инджи... как-её-там натурально задёргался. Она сделала глубокий вдох-выдох, да такой, что мощная грудь стала шире в полтора раза. Но я не дрогнула, стояла на месте, леденея от мысли, что после драки с ней точно отдам богу душу.

Словно что-то прочитав в моих глазах, женщина пришла к какому-то внутреннему соглашению с собой и, хмуро рыкнув, в итоге выдала:

– Впервые со мной торгуются, диктуя свои условия, – усмешка у неё вышла пугающая. – А давай, – неожиданное согласие прозвучало, как гром среди ясного неба. – Раз не испугалась меня, да ещё и затребовала плату выше! Ха! Ты посмелее этого слизняка Бергторга будешь! По рукам!

И мне была протянута внушительная правая мозолистая широкая ладонь, внутренней поверхностью вверх. Действуя инстинктивно, положила сверху ту же руку и Инджибджорг заключила мои пальцы в свои, образовав замок.

– Через десять лун, начиная с сегодняшней, я к тебе приду за корзинами. Сделай их крепкими, чтобы выдержали тебя по весу.

– А?! – теперь задёргался глаз у меня.

Женщина ушла, хохоча на всю округу, а я стояла и думала, что взялась за непосильную для себя задачу.

Но крупа действительно подходила к концу; все корзины, что были сделаны ранее, практически закончились, а новые заказы я перестала принимать. Никто особо не возмущался, «плетёнки» умели делать все, просто легче было дать Райле немного зёрен и получить хорошую тару взамен.

Вздыхнув, вернулась к горстке крупных камней, что натаскала за эти дни с края обрыва; из них я собиралась сложить печку – для моих планов она была просто необходима. А ещё впереди благоустройство шалаша, точнее постройка его с нуля. И мне нужен был топор, чтобы свалить нетолстые деревья, обрубить сучья. Вот только, где его взять? Схожу завтра к Вите, авось поможет и одолжит ненадолго.

Сложив камни в общую аккуратную кучку уже принесённых, отёрла пот со лба, и кинула взгляд в сторону реки. Глина, сегодня я пойду на её поиски.

Размяв затёкшие плечи, подошла к костру, сняла крышку с казанка и помешала похлёбку ложкой из сейки. Качественная вещь, и такая приятная на ощупь.

Крупа выглядела готовой, мясо тоже прекрасно «расходилось» на волокна, оттого, убрав казанок на подставку, наполнила свою миску и с удовольствием принялась за еду, дуя и обжигаясь, но есть хотелось сильнее, чем ждать, пока остынет.

Утолив голод, сполоснула чашу, поднялась и, потянувшись так, что хрустнули кости, встряхнулась, подхватила два деревянных больших ведра, плоский, заострённый с одного края камень – он будет выполнять роль лопатки, направилась в обход селения к реке.

День был погожий, солнце сегодня пекло не так беспощадно, вяло плывущие по небу белоснежные кучевые облака прикрывали его лучи, погружая периодически землю в благословенную тень.

В этот раз завернула в другую сторону от места, где все спускались к реке, чтобы набрать ледяной воды. Взяла резко вправо. Спускалась к реке осторожно, практически не дыша, уж больно берега здесь были высокие и крутые.

Добравшись до Сольваны (с норвежского – серебряная вода), как называлась здесь эта могучая быстрая река, отделявшая земли орков от всего остального мира, опустила ведро на землю и внимательно огляделась. Рядом со склоном вероятность отыскать глину была гораздо выше, нежели подле реки.

– Здесь поищем, – кивнула сама себе, присела и вогнала импровизированную лопатку в землю. Сначала шло легко и просто, но чем глубже я зарывалась в землю, тем сложнее шло. Песок, ещё песок, мокрый песок, море песка, смесь песка и чего-то... и вот, ура! красивого, насыщенного красного цвета глина. Никогда не видела настолько яркого оттенка. Хотя, чего удивляюсь? всё же теперь я нахожусь в другом мире, возможно даже, что местные вещества обладают несколько иными свойствами. Тут же подумала, что эта глина может быть непригодна к обжигу. Взяла кусок в руки и размяла, мягкая, в меру податливая, не рыхлая. Довольная, как слон, наполнила ведро наполовину, взялась за кожаные ручки и охнула: ремешки мигом врезались в ладони, причиняя боль и дискомфорт. Тяжёлая глина оказалась.

Сцепив зубы, двинулась мимо недавнего спуска, здесь мне не подняться, а я – дубовая башка, прикормившая жадную жабу, что не позволила мне часть сырья скинуть назад в яму, так и потащилась до пологого склона, где и ходили мои соплеменники к реке. Ума хватило всё же делать передышки. Как назло навстречу повстречалось дико много народа. Орчанки таранились мне вслед, разве что пальцем у виска не крутили.

Я же, упрямо выдвинув челюсть, гордо шла к своему шалашу и думала, о чём угодно, но не о том, что руки скоро отвалятся, вместе с поясницей.

В тот самый день, после ухода дядюшки Ансгара в лес, Райла сообщила, что Анс отдал принесённые поделки вождю Визэру совершенно безвозмездно. А взамен попросил лишь одного – не трогать нашу маленькую семью. Он и раньше просил о том же, и нас в принципе не трогали, а то, что детишки, развлекаясь, издеваются над Аруной – так-то ж дети, невместно взрослым вмешиваться в их игры. Гады такие!

Дотащившись до дома, устало опустила ведро с глиной и со стоном присела подле них.

– Фух! Надо отговорить Райлу от походов за кариллой, а то до морковкиного заговенья буду таскать глину до нашего шалаша, мне точно нужен помощник, – негромко устало прошептала я и растянулась на прогретой солнцем земле. Как же хорошо! Тянущая боль в районе поясницы чуть отпустила, руки, правда, продолжали ныть, ладони гореть, но всё это ерунда, впереди столько работы, что жалеть себя просто нет времени. И желания. Цель выжить зимой и желательно в тепле и уюте.

Глава 10

– Мама, – обратилась я к Райле, наворачивая кашу с кусочками прыгуна. Мясо у него было жёстким и каким-то странным на вкус, но вполне съедобным, а самое главное питательным и утоляющим голод. – Инджибджорг. Кто она?

– Я видела её сегодня, когда мы вышли из леса, – кивнула женщина, отставляя свою миску. – Она сказала, что заказала тебе большие корзины. Инджибджорг родом из нашего стойбища, но не живёт здесь постоянно. Она ходун.

– Кто? – слово заставило меня усмехнуться, уж больно смешно оно звучало.

– Ходун. Она ходит между селениями орков, торгует, обменивает. Но чаще нанимается в охранницы к человеческим купцам, что имеют дела с орками. И ещё чаще ходит в тёмную часть Великого леса с отрядами искателей редких растений и животных.

– И поэтому ей нужна тара внушительных размеров, – догадалась я. – Она поставила передо мной странную задачу – корзина должна выдерживать мой вес.

Райла задумчиво пригладила свои волосы, посмотрела в лес, а потом ответила:

– Можно смолой покрыть, она твердеет так, что сломать тяжело, но находится в тёмной части леса. За кариллой мы туда пойдём только через неделю.

– Мама, а ты грамоте обучена, так ведь? – не удержалась, спросила я.

– Да, – кивнула орчанка удивлённо и тут же, словно вспомнив важное, добавила: – Всё забываю, что ты ничего не помнишь. И тебя учила.

– А все ли такие грамотные? – не унималась я.

– Нет, вождь, его семья точно умеют читать и считать, а вот остальные, разве что счёту элементарному обучены. Почему спрашиваешь?

– Мама, ты ведь родом не из этих мест? – пошла я ва-банк, отвечая вопросом на вопрос.

Райла вздохнула, подумала немного, а потом заговорила:

– Моя мама, твоя бабушка, с торговым караваном отправилась в город, в тот год было собрано много отменной пушнины, родичи спешили сбыть её по лучшей цене. По пути на них напали разбойники и вырезали практически всех. Но подоспел патруль, чистивший дороги от голодных людских крестьян и бандитов, сбившихся в шайки. Мама была беременна, она погибла, а меня вынули из её чрева, и я выжила.

На мои расширившиеся от удивления глаза она вздохнула, всё правильно поняв:

– Орчанки выносливы, поэтому на сносях ты или нет, никого не волнует. Никогда. И в путь она пошла, потому что требовались рабочие руки... В общем, меня забрал к себе барон Крон. Человек. Неплохой, в целом. Я жила на его кухне. Меня не обижали даже. Как подросла и могла выполнять поручения, была подай-принеси, затем убери, вымой, потом почи-сти-накроши. Так и выросла. И однажды, делая покупки на рынке, встретила твоего отца. Не знаю, чем я ему глянулась. Но во второй свой приезд он предложил мне стать его женой. Я согласилась. Рол оказался хорошим орком и мужем, – вздохнула она, беря чашу с циновки и снова приступая к еде. – Да только так и не прижилась я в его племени. Я другая, и взгляды у меня иные. Чужая.

– А почему не вернулась в человеческий город? – любопытство мой порок.

– Не знаю, – пожалала та плечами. – Да и куда там возвращаться? Старый барон умер уже, новый обязательно позовёт в свою кровать, не хочу, – тряхнула она свалывшимися волосами. Я поморщилась, глядя на это зрелище.

Доев последнюю ложку, отложила миску и, собравшись с духом, заговорила. Речь готовила весь день, тянуть больше не было смысла:

– Мама, я думала. Очень много. Видишь эти камни? Ты не спрашиваешь, зачем они здесь. Ты даже не спросила зачем мне вот эта жидкая грязь. И я благодарна тебе за молчаливую

поддержку. Но и взоры твои печальные тоже замечаю. Я не сошла с ума. Всё это я собрала с одной единственной целью – построить печь. Если ты жила в доме человека, там на кухне точно были печи.

Женщина медленно кивнула, молча глядя на приличное количество принесённых мной каменюк и два полных ведра с глиной.

– Но откуда ты знаешь, как её сделать? – спросила она, не удержавшись.

Как можно более беспечно пожала плечами:

– Откуда-то в моей голове возникают картинки, подсказывая, что и как нужно делать. И мне нужна помощь. Одна я не справлюсь. Как мы выживали все эти зимы без отца?

– Ты часто болела, – последовал закономерный ответ, – я грела камни в костре и тащила в шалаш, чтобы тебе было тепло.

– Ясно, – хмурко кивнула я. – Так вот, сложим печь, и одна часть шалаша будет примыкать к ней, чтобы тепло шло внутрь от стены. Очаг будет снаружи, готовить еду будем на улице. А старые шкуры в топку, добудем новые.

Райла глядела на меня, раскрыв рот. Я смотрела ей в глаза, не мигая.

– Ты обязана ходить за кариллой?

– Н-нет, – с заминкой ответила она, – но раз в пять дней вождь за это даёт мне две горсти зерна.

– Тоже в топку их подачи, – фыркнула я. – Итак, через неделю сходишь с ними в тёмный лес за смолой для корзин. Выполню заказ. У нас будет новый дом, лучше прежнего, – я кинула недовольный взгляд на наш дырявый вигвам. – Я не хочу мёрзнуть зимой.

На самом деле я не знала, как правильно обогреть наше будущее жильё. Был вариант сделать вигвам вокруг печи, потом решила, что, если ошибусь в конструкции, угорим и помрём во сне. После долгих размышлений пришла к выводу, что пусть печь будет снаружи, а задняя стенка примкнёт к дому.

В этот мир я навряд ли привнесу что-то прогрессивное, читала когда-то фэнтези про попаданцев, но не чувствовала, что смогу так же, как они. И «роялей в кустах» мне что-то никто не подкинул. Дядька Анс намекал Райле о том, что я, возможно, имею какие-то магические способности, но пока они себя никак не спешили проявить.

И что я, вчерашняя студентка, могу?!

Не уверена, что очень много.

Тишина затягивалась, я, вскинув голову, посмотрела на задумчивую мать.

– Я могу ошибаться, мама. Но зиму нам нужно прожить в более уютных условиях.

– А как ты собралась добыть для нас шкуры?

– На охоту пойдём, есть одна идея, – вздохнула я.

– Хотелось бы послушать, – не унималась женщина, и я могла её понять, привычный для неё уклад жизни рушился буквально на глазах.

– Мы выроем большую ловчую яму, – прошептала я тихо, словно нас кто-то мог услышать, – воткнём на дно острые колья, в неё упадёт бизок или кто там ходит между светлой и тёмной частями леса, получим много мяса и шкуру, нам нужно-то всего три-четыре...

– Яму? – глаза матери были большие и красивые, но стали совсем на пол лица, стоило ей услышать мои слова. – Но, дочка, земля на территории всего Великого леса под толстым слоем травы каменной твёрдости. Растения растут, потому что они тоже магические и позволяют себя сорвать... Весь лес пропитан энергией... Тебе Анс должен был об этом рассказать.

– Про растения я знаю, но про землю он ни словом не обмолвился, – развела я руками.

– Он и не думал, поди, что тебе в голову придёт мысль лично вырыть ловчую яму, – вздохнула женщина. – Думаешь, такой способ охоты никому в голову не приходил? Лук и стрелы в данном случае более подходящее оружие. Бизоки и орлуки, что кормятся на той равнине,

слишком крупные животные. Даже если бы земля позволила тебе углубиться в неё, ты бы пару месяцев эту яму копала.

– Эм, – я почесала макушку, – ясно... но я уже там делала выемки, чтобы вырыть нужный камень.

– Ты меня не слышишь? На небольшую глубину, да, но на такую, чтобы туда угодил крупный зверь – нет. И ещё подходить к бизокам опасно, они вовсе не трусливые. Скорее наоборот, увидев таких хилых охотниц, как мы, мигом затопчут. И насадят на свои длинные мощные рога. А ещё среди них могут быть магисдиры (магические животные), это, конечно, редкость, очень большая редкость, но всяко бывает, и тогда нам точно конец, – Райла вздрогнула, явно представив всю эту ужасающую картину.

Женщина замолчала, продолжая недовольно качать головой.

– Мама, всё же давай попробуем. Не поддастся мне земля, ну, значит, я придумаю, что-нибудь другое. Бояться всего на свете тоже не вариант. Ты же не хочешь, чтобы зимой я снова болела? – решила добавить я, чтобы уж наверняка.

– Хорошо, – медленно кивнула Райла, – завтра я останусь рядом с тобой, расскажешь, как ты эту печь хочешь сделать. А сейчас уже поздно, пора ложиться спать.

Быстро сполоснув посуду, я отправилась в наш шалаш, легла рядом с матерью, и довольная провалилась в сон без сновидений.

Утро было прохладным, впрочем, как всегда. Я встала одновременно с мамой. Мы быстро подбросили хворост в костёр, подвесили над ним казанок с водой. Остатки прыгуна отправились в подсоленную воду, а я, сполоснув лицо, отправилась с пустым ведром к реке, к этому времени обережные огни, опоясывающие стойбище, погасли. Шла по главной и единственной улице селения. Орки просыпались, многие уже занимались своими делами, женщины готовили завтрак, мужчины, зевая, оглядывались на них с видом повелителей мира. Были и те, кто начищал внушительных размеров ножи, проверял тетиву на луках и колчаны со стрелами. Охрана для сборщиц кариллы.

Я уже знала, что охотятся орки раз в неделю, добывая мясо в семьи для каждого из мужчин. Да-да, только для полных семей. Нам с Райлой мясо было не положено. Вождь иногда давал маленький кусочек (скорее всего помня о том, что Ансгар принесёт ценные поделки из сейки), но и только. В оплату за сбор столь ценного корнеплода Райле выделялось немного крупы. И на этом всё.

– Аруна! – окликнули меня столь неожиданно, что я чуть не споткнулась. Обычно все окружающие делали вид, что меня не существует. Я резко обернулась и столкнулась взглядом с Витой. Той самой травницы-лекарки.

– Гу морт! – вежливо поприветствовала её я. – Как ты, Вита? Рада видеть тебя снова.

– Я вчера вернулась, была в соседнем селении, – ответила та, оглядывая меня внимательным взором своих странных желтоватых глаз. – Вижу, оправилась полностью?

– Да, спасибо тебе.

– Мне тут рассказали, что ты лайирэ (прим. автора: с норвежского leire – глина) таскаешь к вашему шалашу.

– Угу, – кивнула, не став отрицать то, что было известно всем. – Хочу новое жильё. Старое уж больно прохудилось, – честно ответила я.

– Вот как. Интересно было бы посмотреть на результат, – хмыкнула старая орчанка.

– Обязательно приглашу, как будет готово.

– А я приду, – она ткнула в центр моей груди своим указательным пальцем и тихо усмехнулась. – Тебя никто не трогал?

– Нет, – мотнула головой, не став ябедничать на Гтора. – Таккь, Вита, если бы не ты, не зажить бы моим ранам так быстро и без последствий.

– Забавно ты говорить стала, Аруна, – чему-то задумчиво покивала лекарка. – Ладно, мне пора, а с тебя корзины. Нужны три штуки, найдётся?

– Да, конечно. Размер не важен?

– Средние, вот такие, – уточнила она, разведя ладони.

– Принесу, – кивнула я, глядя вслед удаляющейся женщине. Вита была большой. Но всё равно уступала габаритам Инджибджорг.

Вернулась домой с полным ведром воды, мать уже закинула в кипящую воду с мясом горсть крупы, при этом она тихо напевала какую-то мелодию.

Мы не спеша позавтракали и тут, обрывая наше уединение, к нам подошёл орк, шагал он гордо, вперевалочку. Замер неподалёку и, подбоченясь, окликнул маму:

– Райла! Все ждут только тебя!

– Чего копаешься? – прорычал он на женщину, затем сделал ещё несколько шагов в нашу сторону, буквально нависнув над нами и хмуря кустистые брови. Какой кабан, мелькнула мысль.

Мужчина был не так, чтобы высок, зато весьма широк. Везде. И плечи, и грудь, и талия, и даже ноги. Один большой комод. И не сказать, что всё это сплошные мышцы – висящее брюхо недвусмысленно намекало на любовь сего орка вкусно поесть. И побольше.

Райла не спеша поднялась на ноги, я следом за ней.

– Бергторг, я неделю не буду ходить в лес. У меня срочные дела.

Это известие его сильно удивило. Он даже не стал скрывать изумления: тяжёлая челюсть орка с крупными жёлтыми клыками медленно отвисла. Мужик стал похож на большую зелёную обезьяну.

– А что же ты будешь есть, женщина? Кто не работает, тот не получает крупы! – рявкнул он.

– Это уже не твоя забота, Берг, – отмахнулась от него мать, как от надоедливой мухи. – Иди, тебя ждут.

Мужчина недовольно прищурился, но, как ни удивительно, развернулся, чтобы уйти.

– Я поговорю с тобой позже, Райла, – выплюнул он угрожающе и тяжело зашагал в сторону селения.

На мой вопросительный взгляд, мама пояснила:

– Он всё не теряет надежды зазвать меня к себе третьей наложницей, – тяжёлый вздох, – если мы и эту зиму будем едва выживать, Аруна, я соглашусь на его предложение.

– Это ведь отец Гтора? – прищурилась я в сторону уходящей горы мышц и жира.

– Он самый.

– Теперь понятно, почему его сыночек меня терпеть не может. И не только из-за того, что я слабосилок, – фыркнула я негромко, делая скорее верные выводы, нежели неверные. – А грядущую зиму я планирую провести в тепле и уюте.

Насколько этот уют вообще возможен в подобных условиях жизни.

Глава 11

Глину я смешала с мелкозернистым речным песком, получилась неплохой раствор для сцепления принесённых мной и Райлой камней. Я на самом деле ни разу не строитель, я вообще считай вчерашний студент. Но чувствовала, что у каменной печи должно быть основание, иными словами фундамент, поэтому без особых проблем углубилась в землю, чем несказанно удивила мать. Но она сочла, что всё же это недостаточно глубоко, чтобы земля воспротивилась.

Несколько дней ждали, пока схватится фундамент, затем приступили к самой стройке.

Над возведением печи работали около недели. Всё это время питались прыгунами и корешками, что выкапывали из земли в Светлой части Великого леса. Также за это время успела сходить к Вите, отдать ей корзины, в благодарность она выдала мне горсть крупы и немного уже перетёртой в порошок сушёной кариллы.

Тару для Инджи плели вечерами, в свете костра и бережных огней. Выходили они у нас большими и лёгкими, и выдержать мой вес при всём желании никак не смогли бы.

К седьмому дню, когда корпус печи был уже полностью сложен, я и мама стояли рядом друг с другом и смотрели на громоздку, даже на вид, конструкцию.

– Настоящий монстр получился, – хмыкнула я. Но мне нравился результат. А в свете того, что это сделано нашими руками, гордость просто переполняла меня. – Осталось сложить трубу и ждать, когда всё полностью просохнет и потом приступить к испытаниям.

– Завтра отправлюсь за смолой, корешки для нас соберу, – вздохнула мать, – вот смотрю на твою печку и не могу понять, как ты смогла до этого всего додуматься. Впрочем, на деле вышло легче, чем на словах.

Тут я краем глаза заметила движение и, резко обернувшись, увидела, как неизвестная мне пятёрка, а может и больше, подростков быстро спрятались за крайним, но самым близко к нам расположенном вигваме. На этапе фундамента на нас не обращали никакого внимания, а вот стоило стенам печки возвыситься над землёй на полтора метра, так я всё чаще замечала любопытствующих соплеменников поблизости от нашего шалаша. Первое время это сильно нервировало, но потом мы с Райлой привыкли и, не обращая внимания на шепотки и подгляд, работали не покладая рук.

Отужинав, приступили к доработке внушительных размеров корзин для Инджибджорг.

– Мама, набери смолы побольше, уж очень её свойства, описанные тобою, мне понравились. Хочу поэкспериментировать. А ещё есть ли здесь где-нибудь высушенные болота?

– Заметила, что не успеваю за твоими мыслями, дочка, – покачала головой Райла, ловко вдела гибкий прутик, приступая к следующему ряду. – Смолы много принести не смогу, на дальней поляне с кариллой долго находиться опасно. Наберу, сколько смогу, хватило бы на эти корзины... Болото есть и не одно. Но все они в тёмной части леса. Зачем тебе?

– Торф, мама, он согреет нас лучше всякого хвороста. И тепло от него держится дольше.

Высоко поднятые брови матери и многозначительное молчание после заставили меня вздохнуть устало. Но я забочусь о нас, и буду странной до тех пор, пока женщина не привыкнет. А это не самый быстрый процесс.

Тяжёлые шаги по песчаной земле мы слышали одновременно. Обе вскинули глаза и увидели медленно шедшего к нам орка. Вот же ж природа щедро наградила! Один сплошной монолит! Плечи во! Руки во! Сам ого-го! Я видела его несколько раз издали и знала, что это вождь, такие размеры могли быть только у самого сильного в племени нелюдя.

– Хэй! – поздоровался он с нами, но слова прозвучали, как угрожающий рык, настолько голос Визера был хрипл и басовит.

– Халлу! – кивнула Райла, поднимаясь. И я тоже встала. И просто кивнула.

– Неделю я издали следил за тем, что вы тут вдвоём делаете. Не заметил ничего угрожающего здоровью и жизням орков, потому не стал вмешиваться. Но пришло время рассказать мне, что это?

По ходу этот орк не был в гостях у людей, раз впервые видит печь, подумала я саркастически. Посмотрела на наше творение ещё раз и чуть не прыснула от смеха, в пузатой конструкции без трубы сложно было разгадать именно её.

– Это очаг для отопления и готовки еды, как у людей в их каменных домах.

– Я видел печи, но ваша совсем на них не похожа, – через несколько секунд высказался мужчина, потеряв ладонью подбородок. – И чем вас не устраивает костёр?

– Мы хотим жить в тепле, – честно ответила мама, Визэр понимающе кивнул, перевёл взгляд светло-жёлтых глаз на наш хлипкий дырявый шалаш.

– Ладно, – махнул он рукой, – не мешайте только другим жить и не сильно тут шумите, – предупредил он и развернулся, чтобы уйти.

Не дождавшись от нас просьб о помощи, вынужден был уйти.

– А он ведь хотел услышать от нас мольбу, – хмыкнула я негромко. – Он точно знает, что крупы у нас нет, кариллы и той жалкие крохи. Ожидал, что мы начнём слёзно умолять.

– Ты права, и, знаешь, впервые я почувствовала некое удовлетворение, – вдруг призналась мать и сменила тему: – Завтра оботрёмся песком и рчаткой, я такая грязная, вся в глине и песке, – печально вздохнула она, а я закатила глаза.

– Давай сделаем это в воде, – сделала встречное предложение я. – Нет желания тереть сухую кожу. Ну, пожалуйста! – надеюсь выражение моих глаз было, как у кота из одноимённого мультфильма.

– Ох, Аруна, Аруна, идём против правил селения.

– Неужели ты у людей не мылась? – искренне воскликнула я.

– У них было мыло, – ответ меня потряс, – большая лохань с тёплой водой. А не ледяная река и песок. Лучше уж на сухую, поверь мне, я знаю, о чём говорю.

– Так за чем же дело стало? Сделаем лохань выстругаем из какого-нибудь поваленного ствола, обработаем смолой. Согреем воду, вон у нас и печка скоро работать будет, и сможем помыться по чел... – я вовремя прикусила язык и поправилась: – как моются люди.

Райла не нашлась, что возразить, и на том спасибо.

На следующий день мать ушла со сборщицами кариллы и их охраной. Я осталась одна, но мне было, чем заняться и я принялась за трубу. Решила сделать её не ниже пяти метров, и широкой.

– Хэй! – услышала я голосок позади, когда вдавливала аккуратный камень в раствор, оглянулась. Неподалёку от меня стояла девочка. Зелёная кожа была скорее оливкового оттенка, как у меня, нежели тёмно-зелёного, как у всех остальных. Глаза её сверкали искренним детским любопытством:

– Аруна, а что это вы такое здесь сделали?

– Хэй! – ответила я, осторожно спускаясь вниз. – Это называется каменная печь. Внутри будут класться дрова и поджигаться.

– Огонь окажется внутри? – было видно, насколько мои слова шокировали девочку.

– Именно. Этот огонь согреет камень и он отдаст нам своё тепло.

– Ааа, как горячие камни, что заносят в шатёр зимой? – догадался ребёнок.

– Всё правильно, – улыбнулась я ей. – Как тебя зовут?

– Не помнишь?

Я качнула головой.

– Кэри, – пискнула та, разглядывая созданную нами конструкцию.

– Кэри! – раздался громкий крик, девчушка вздрогнула и, резко сорвалась с места, успев сказать, – стэмур меня ищет, пойду, пока не досталось оплеух.

Задумчиво проводив девочку взглядом, подумала, что нравы у орков сильно мне не по душе. Стэмор это типа мачехи, видать родная мать Кэри либо наложница и ушла на сбор кариллы, либо была ею и погибла. Нужно будет уточнить у Райлы.

До самого вечера провозилась с трубой. Результат меня вполне удовлетворил, правда, пришлось пару раз сходить к обрыву за камнями, но любые усилия стоили того.

Мать вернулась поздно вечером, когда я уже места себе не находила от беспокойства. Только она устало опустила деревянное ведро, заполненное на треть чем-то чёрным, как зажглись бережные огни.

– Почему так долго? – засуетилась я вокруг женщины, понимая, что уже успела к ней прикипеть душой, усадила её на циновку, наполнила чашу мясным бульоном с корешками, кстати, совершенно безвкусными, если бы не соль, я бы подумала, что жую крахмал. Наверное поэтому они не в ходу у орков.

– Напали на нас, еле отбились, благо в этот раз обошлось без жертв и ран, – вздохнула Райла, благодарно принимая из моих рук горячий ужин. – Таккь. Вижу, ты тоже времени даром не теряла? Труба готова.

– Да, нужно было поскорее её сделать.

Мы молча продолжили есть, с помощью нехитрой еды стремясь восстановить энергию.

– Мама, – заговорила я, доев свою порцию, – печь должна полностью высохнуть, это дело не одного дня. Мы же завтра отправимся на охоту. Как селение опустеет, так и пойдём.

– Хорошо. У тебя уже есть план.

– Да, нужно спуститься в долину между Светлым и Тёмным лесами. Я попробую копнуть землю поглубже, если не выйдет, а ты уверена, что не выйдет, то придётся набрать той травы, из которой плетутся верёвки, будем делать другую ловушку. В моей голове столько вариантов, не переживай, какой-нибудь обязательно выстрелит.

– Хорошо, – вздохнула Райла, – а теперь смажем корзины. Впрочем, можем отложить до завтра, только ведро накрыть плотно крышкой.

– Давай не будем тянуть и сделаем это сейчас. А соплеменники используют эту смолу в быту? – полюбопытствовала я, наблюдая за ловкими движениями Райлы.

– Наконечники стрел и оперение крепят с её помощью, используют везде, где можно, беда в том, что в ту часть леса ходим очень редко, опасно там. Сегодняшний поход был давно запланирован, смола закончилась у многих. Её лучше хранить в закрытой таре, иначе она быстро сохнет. А ещё добыть её задача не из простых.

Я кивнула, принимая к сведению и принялась наблюдать за ловкими движениями Райлы: женщина подтянула к себе одну из корзин и принялась прямо руками размазывать вязкую тёмную субстанцию по прутьям. Понаблюдав немного, взялась за вторую тару.

– Завтра с утра, как погаснут огни, отнесу их Инджи, – сказала Райла, отерев пот со лба.

Руки, вымазанные в смоле, легко смылись тёплой водой, также, как и ведро, в котором её принесла мама.

– На воздухе она приобретёт свои свойства и завтра ты сможешь в полной мере оценить готовый результат, – довольно оглядывая выглядящие жутко тары, сказала Райла. Она подвесила корзины на импровизированные крючки, вбитые в стену нашего шалаша и довольно отряхнула ладони.

А следующим утром, отдав заказ Инджибджорг, отправились в сторону обрыва. С собой прихватили полную тару крупы – плата могучей орчанки за корзины, которые, к слову, успешно прошли испытание моим весом. Жаль, что в этом мире пока нет фотоаппаратов, чтобы заснять выражение полного обалдевания на моём лице, когда меня, забравшуюся в одну из них, Райла, кряхтя и ещё больше зеленея от натуги, приподняла над землёй и та (корзина) выдержала такую ощутимую нагрузку, даже нигде не скрипнув.

– Бери круто от тропы налево, – сказала Райла, – я знаю ещё один спуск, только идти около часа придётся. А крупу можем припрятать среди камней у спуска.

– Да, так и сделаем, – мы, посоветовавшись, решили не оставлять зёрна в вигваме, мало ли, кто-то может захотеть нас обворовать, с этих орков станется.

Шли и молчали, прислушиваясь к звукам леса. Я уже знала, что всё самое ценное в основном растёт в тёмном лесу. По словам мамы там сосредоточено гораздо больше магической энергии. Мне очень сильно хотелось попасть в такую загадочную Тёмную часть Великого леса, но пока я не имела ни нормального лука, ни даже крепкого копья, а без оружия там делать нечего.

Добравшись до обрыва, нашли между двух валунов пустое пространство, и, прежде чем положить туда нашу корзинку, потыкали в тёмную расщелину длинной палкой, опасаясь сюрприза в виде змеи. Затем спрятали туда корзинку.

– Вот за этими кустами спуск, он достаточно крут, но если будем идти след в след, то шею не переломает.

– Хорошо, – кивнула я и, поправив заплечный самодельный мешок из старых прохудившихся шкур, шагнула было вперёд, но мама мягко придержала меня за плечо и с улыбкой в глазах сказала:

– Нет, первой пойду я.

Глава 12

Прежде чем отправиться вниз, взгляделись вдаль. Не заметить множество двигающихся тёмных точек на горизонте мог бы лишь плохо видящий, к счастью, моё зрение в этом мире было стопроцентным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.